

Ткаченко О.Б.

К СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

Помимо общеизвестных классификаций языков, генетической и типологической, первая из которых систематизирует языки по их происхождению, а вторая – по типу (фонетическому, грамматическому, лексико-семантическому и т.д.), независимому от происхождения, возникает потребность и в третьей классификации языков мира социолингвистической. В основу последней положено социолингвистическое состояние языков, определяемое их положением (статусом), критерием для которого служит распространенность среди этноса-носителя, и в связи с этим более или менее высокая (низкая) оценка языка, как его носителями, так и представителями других народов (носителями других языков). В связи с этим можно сказать, что, в то время как две первые классификации являются горизонтальными, третья представляет собой классификацию явно вертикальную, поскольку при оценке языков они в глазах оценивающих занимают соответственно или низкую, или высокую позицию.

При несомненном потенциальном равенстве всех языков и народов, в каждый исторический процесс (период) в связи с особенностями их развития, зависящего от целого ряда преимущественно внеязыковых факторов, нет полного равновесия всех народов и соответственно их языков. Одни народы в своем развитии, находящем выражение в развитости их стран, их экономики и культуры, вырываются вперед, другие отстают. Этим определяется и вес каждого народа в мире. Язык того народа, у которого наиболее интенсивно развивается культура, материальная и духовная, т.е. в широком смысле вся совокупность его деятельности, находящей выражение в обилии ценной информации, приобретает в мире особенно большой вес.

Роль данного языка вырастает в связи с тем, что на нем публикуется огромное количество чрезвычайно важной научной и технической специальной информации, перевести которую всю невозможно, ввиду чего возникает необходимость в знании данного языка специалистами всех отраслей науки и техники, как для чтения специальной литературы, так и для непосредственного общения со специалистами своей отрасли. Те народы, на языках которых такой информации нет, или она есть, но в очень ограниченном количестве (и к тому же часть ее вынуждены в основном публиковать на языках более распространенных), естественно, в силу этого не могут вызвать большого интереса к своему языку. Поэтому и интерес к нему является значительно более ограниченным.

Языки, как в одной из своих бесед с научными сотрудниками и аспирантами Института языковедения НАН Украины (тогда – УССР), заметил академик Л.А. Булаховский, похожи в ряде отношений на валюту¹. И, в частности, в отношении их социолингвистической оценки, осмысление которой дало повод для их классификации. Сходство это разительно. В самом деле, подобно курсу валют ценных бумаг, «курс» языков находится в постоянном движении: акции одних языков стоят чрезвычайно высоко, затем стремительно падают. Вместо них растет «курс» других языков или языка. И подобную картину можно наблюдать на протяжении всей обозримой истории человечества. В древности высоким авторитетом пользовались поочередно такие языки, как древнеегипетский, шумерский, аккадский (ассиро-вавилонский). Теперь давно не только упало значение этих языков, но они сами сошли с исторической арены и вместе с ними их носители – народы. Затем начался блестящий период расцвета греческого языка и греческой культуры, на котором не только созданы бессмертные творения Гомера, Геосида, Эсхила, Софокла, Еврипида, Платона, и на котором впервые сказало миру свое слово христианство. Господство греческого языка сменило в Европе владычество латыни. В Азии и на Ближнем Востоке в разное время делили пальму первенства арабский язык и Фарси, а на Дальнем Востоке было длительным и могучим господство древнекитайского языка (вэнвэня), глубоко проникшего в культуры Кореи, Японии и Вьетнама. Длительное время в Индии и сопредельных странах был распространен санскрит... Примеры можно множить и множить. И все они будут свидетельствовать об изменчивости положения языков мира. Уже в новейшее время в Европе состязались за первенство три языка – французский, немецкий и английский.

Народы мира несут каждый свою культуру, и поочередно то один из них, то другой добиваются особенно заметных успехов, позволяющих им на время стать во главе человечества. Однако так же, как в очередных велогонках или на Олимпийских играх нет одних и тех же лидеров, так и в истории человечества нет среди народов постоянного лидера. Эстафета лидерства постоянно переходит от одного народа к другому и соответственно с этим то возрастает, то понижается значение одного языка за другим.

Возвращаясь к образному сравнению языков с валютой, можно было бы сказать, что валюту, в данном случае язык, представляющий собой что-то вроде денежных (бумажных) знаков, обеспечивает золото национальной культуры того или иного народа. Если золотые запасы его высоки, высоко оценивается его язык, знание которого так же приобретает большое значение. Если национальная культура в широком понимании слова скудеет, падает и «курс» языка, отражающего данную культуру.

Языки мира делятся на живые, т.е. ныне употребляемые во всех функциях, в том числе и обиходно-бытовой, и мертвые, вышедшие во всех или большинстве своих функций из употребления.

¹ К сожалению, эта мысль была высказана устно и в печатных работах академика не нашла своего отражения. Поэтому можно сообщить только ее содержание, а не вполне точную форму.

Степень живости и омертвения языков неодинакова. С одной стороны, в своей жизненной силе неодинаков потенциал языков (в одних языках жизнь едва теплится, в других – кипит настолько сильно, что далеко переплескивает через край их этнической территории). С другой стороны, неодинакова бывает и степень омертвелости языков: одни из мертвых еще очень близки к жизни и в ряде функций употребляются практически, временами способны даже воскресать, другие омертвели настолько, что «живут» исключительно в своих письменных текстах, способных привлечь внимание лишь ученых и ввиду этого полностью выпали из практики, третьи способны «ожить» только в своих реконструкциях, четвертые и того меньше, относятся к таким, о существовании которых мы способны только догадываться. Для того чтобы дать представление обо всем социолингвистическом разнообразии живых и мертвых языков, следует их рассмотреть, сперва коснувшись языков живых, которые будут рассмотрены в направлении нарастания их жизненной силы, затем затронуть языки мертвые: эти, напротив, в направлении убывания их жизненной силы, т.е. увеличения силы омертвения.

Среди живых языков можно отметить следующие основные социолингвистические категории:

- 1) язык единоличного распространения (и употребления);
- 2) язык частичного генерационного распространения;
- 3) язык частичного этнического распространения;
- 4) язык полного этнического распространения;
- 5) язык частичного территориального распространения;
- 6) язык полного территориального распространения;
- 7) разновидности языков внетерриториального распространения:
 - a) язык частичного внетерриториального распространения;
 - b) язык полного внетерриториального распространения (зональный, "мировой" язык);
 - c) поливариантный язык (с национальными вариантами);
 - d) полиэтнический язык (язык на грани распада на отдельные языки, превращающийся сам в мертвый, вышедший из употребления праязык).

Язык единоличного употребления до второй половины XIX века возникал исключительно в тех случаях, когда в результате вымирания последнего, старшего поколения носителей языка, выходящего из употребления, оставался единственный носитель языка, ушедшего в небытие. С его смертью вымирал полностью и язык, и, если его вовремя не записали, восстановить его можно было только по его остаткам, проникшим в язык-приемник, на который переходили его носители. Истории известны имена подобных единоличных носителей угасающих языков. Это преимущественно женщины, что объясняется как их большей, по сравнению с мужчинами, продолжительностью жизни, так и более крепкой, чем у мужчин, связью с национальными традициями и языком. Последней носительницей южносамодейского камасинского языка в XX веке была Клавдия Плотникова из пос. Абалиново Красноярского края; последней носительницей тасманийского языка была тасманитка Труганини (в XIX веке); последним носителем романского далматинского языка был Антонио Удине (умер в 1898 г.); носительницей кельтского корнского языка была Долли Пентрет в XVIII веке (умерла в 1777 г.). Для целого ряда вымерших языков, однако, утрачены сведения о смерти их последних носителей. Так, например, ничего не известно о том, когда умерли последние носители западнославянского полабского языка, восточногерманского готского, финно-угорского мерянского языков, хотя это произошло, по всей видимости, в относительно цивилизованном 18-ом веке.

Другой, более новый случай единоличного носителя как зачинателя, воскресителя омертвевшего языка известен только со второй половины XIX века. Первым из них был Элиезер бен Иегуда, инициатор возрождения иврита. За ним последовали менее известные инициаторы возрождения корнского языка (конец 20-го века). В отличие от последних носителей вымирающих языков, являющихся лицами пожилого старческого возраста, возрождающие язык, так же вначале единоличные, являются людьми среднего возраста. Ясно, что в случае единоличного носителя, возрождающего язык, он не может быть ни слишком старым, ни слишком молодым: у старого человека не хватает на это сложное дело энергии, у молодого человека – опыта. Ясно, что единоличный вымирающий язык интересен только для науки и малозначим для практической жизни. Напротив, возрождаемый язык может постепенно вызвать интерес многих, и интерес сугубо практический.

Язык частичного генерационного распространения. Это либо язык постепенно вымирающий (случай наиболее известный науке, особенно в прошлом), либо, напротив, возрождающийся. В первом случае первым поколением генераций, выпадающих из языка, является младшее поколение, дети. Их, ввиду малой практической ценности вымирающего языка, с исчезновением которого примирилось среднее поколение, перестают ему учить, и его, часто только пассивно, знает среднее поколение (генерация). Старшее поколение, хотя часто и сожалеет об утрате языка, уже ничего не может сделать для его сохранения. Последний человек, переживший всех своих сверстников, тогда становится последним, единоличным носителем языка. Таким образом, в рассматриваемом случае число носителей языка постепенно сокращается. Однако, в отличие от первого случая (случая единоличного носителя языка), когда он неизбежно должен быть, как правило, двуязычным, чтобы общаться с внуками и детьми, при частичном генерационном распространении языка в последнем поколении могут встречаться люди плохо или почти не владеющие новым языком, на который в массовом порядке переходит весь его народ. Еще

больше подобных людей бывает, когда языком еще пользуется старшее и отчасти среднее поколение и когда еще не возникает твердой установки на то, чтобы не учить ему детей. Частично генерационный вымирающий язык так практически оценивается низко, но ввиду его лучшей сохранности, чем языка единоличного, его лучше изучить и записать. Так, один из подобных языков, прибалтийско-финский, наиболее близкий к эстонскому, особенно в его северо-восточных диалектах, имевший в 80-е годы XX века всего около 50 носителей, людей старшего поколения, именно в связи со своим исчезновением привлек к себе немалый интерес со стороны лингвистов, особенно эстонских. Уже в 1975 году, когда автор данной статьи был в Эстонии, создававшийся в Таллине «Водско-эстонско-русский словарь» насчитывал до 30.000 словарных единиц – статей. Было собрано большое количество водских фольклорных и разговорных текстов, способных составить большую библиотеку. Сделано было и немало звукозаписей водского языка, отражающих его фонетику. Академик Эстонской Академии наук Пауль Аристэ составил на эстонском языке «Граматику водского языка» (*Vadja keelegrammatika*), впоследствии переведенную в США на английский язык.

Интерес к языкам частичного генерационного распространения частично возникает в связи с тем, что они входят в определенную языковую группу, являясь как бы «бедными родственниками» более распространенных и авторитетных языков. Так, интерес к тому же водскому языку связан и с тем, что он является близким родственником эстонского. Его изучение полезно при исследовании эстонского языка. Не исключена в принципе и возможность использования его словарных богатств для современного эстонского. Часть его слов, эстонизируя их формально, в случае их семантической или стилистической ценности можно использовать для обогащения современного эстонского языка. Тем более полезна запись вымирающих языков ввиду того, что в последнее время наблюдаются случаи возрождения (рекреации) вымерших языков. Собранный материал сослужит тогда незаменимую службу в этом деле.

В связи с этим нелишне коснуться, как и в случае языка единоличного распространения, того положения вещей, когда появление частично генерационного языка является не следствием вымирания, а возрождения, как было, в частности, с ивритом. Здесь, в отличие от ситуации угасания языка, также при ситуации частичного генерационного распространения языка наблюдалась временная генерационная ущербность, но отличие заключается и в направлении развития социолингвистической ситуации (уже не спад, а наращивание новых поколений) и в самой отправной генерационной точке, и в расположении поколений. При угасании языка из него выпадало сначала младшее, потом среднее поколение и оставалось только постепенно уменьшавшееся количественно старшее. При противоположном направлении развития количество поколений, напротив, увеличивается и порядок распространения языка в нем другой. Язык прежде всего начинает, как показывает опыт возрождения иврита, распространяться среди среднего поколения, где иврит в разговорно-бытовой функции вытеснял промежуточные (временные) еврейские языки, идиш (западногерманского происхождения) и сефардский (еврейско-испанский) (романского происхождения). С появлением детей у людей среднего поколения, заговорившего в повседневной жизни на иврите, на иврите с раннего детства заговорили дети, младшее поколение. Дольше всего держалось за диаспорные еврейские языки, уже на исторической родине, в том числе и родине иврита, старшее поколение, что вполне естественно объяснялось и сугубо возрастной трудностью овладения новым языком в старческом возрасте, особенно для женщин, которые, как известно, священному языку, ивриту, не обучались, – и поэтому, в отличие от мужчин, стариков, знавших в какой-то степени иврит хотя бы потому, что в детстве обучались в религиозной школе (кедере), почти его не знали. Женщины не молились на иврите, как мужчины, и единственной ивритской языковой формулой, которую они знали, была формула, произносимая при зажигании субботних свечей, поскольку эта обязанность возлагалась на женщин.

Последним поколением при возрождении иврита, которое заговорило на нем, было старшее поколение, точнее, те его представители, которые дожили до того момента, когда появились внуки, говорившие с детства на иврите. Естественное желание общаться с ними заставило стариков, оставаясь носителями «промежуточных» (региональных) еврейских языков, идиша и сефардского (еврейско-испанского), все больше отказываться от пользования ими и в быту, поскольку внуки этих языков уже не понимали. Этим распространение иврита очень напоминает, например, распространение латинского языка как более престижного среди галлов, у которых их язык приобретал перед исчезновением особенности остаточного «крестьянского» языка. В случае возрождения иврита так, в сущности и было, поскольку для евреев иврит стоял всегда выше какого-то ни было языка, как иностранного, поскольку он принадлежал инверсам, путь развития которых отличен от еврейского пути, так и собственного бытового, поскольку он не был священным. Кроме того, только иврит мог объединить всех евреев, в отличие от региональных еврейских языков. Именно это и предопределило победу иврита в еврейской Палестине, ставшей позже государством Израиль. Постепенно охватив все поколения, иврит стал общегенерационным языком, языком полного этнического распространения. Это было связано с тем, что и пользование, и знание иврита у евреев в отличие от так называемых неполных («крестьянских») наций было принадлежностью не низших, а, наоборот, высших слоев еврейского общества, духовенства и связанных с ним ученых, знатоков иврита и еврейского права, в руках которых находилась высшая власть в еврейских общинах.

Совершенно иначе обстоит дело в случае языков частичного этнического распространения,

носители которых не обнаружили в отличие от евреев подобной преданности своему языку и культуре, сакрализованных, возведенных в ранг религиозной веры и поставленных превыше всего. Появление языков частичного этнического распространения явилось следствием экономической неразвитости целых огромных регионов, в частности Европы, особенно Центральной и Восточной, а также Азии. Экономическая неразвитость, бедность производства и предлагаемых отдельными областями товаров вызывали настоятельную необходимость в их объединении. Страны, находившиеся на скрещении удобных морских или речных путей, часто уже вследствие своего удобного положения брали на себя эту объединяющую и организующую роль. Греция, находившаяся в центре Восточного Средиземноморья, смогла благодаря этому перерасти в империю, созданную Александром Македонским и, хотя после его смерти империя стала распадаться, все же между ее частями сохранились тесные экономические и культурные связи, а греческий язык в странах, входивших в состав империи, надолго (на целые века) сохранил свою роль языка-посредника. Ввиду этого и христианство, зародившееся в арамейско- и ивритоязычной Иудее, первоначально как разновидность иудаизма (иудео-христианство), становясь интернациональной религией, воспользовалось для этого греческим языком (хотя сам создатель новой религии, Иисус Христос, судя по его словам, приводимым в подлинном звучании, говорил по-арамейски). Такая же объединяющая и организующая роль стала уделом Рима, создавшего Римскую Империю и овладевшего всем Средиземноморьем. Москва как столица пяти морей, соединенная системой рек с Балтийским, Белым, Каспийским, Азовским и Черным морями смогла также на длительное время стать объединяющим центром северо-восточного евразийского пространства. Именно таким образом возникали государства типа империй, заинтересованных уже в силу своей этническо-языковой разнородности и пестроты в максимальной нивеляции своих составных частей.

Поскольку социальные верхи включенных в империю народов при подобной жесткой нивеляционной политике не желали утрачивать своих социальных позиций, а перед ними возникал выбор, либо сохранение привилегий ценой языковой ассимиляции, либо их утрата и социальная деградация взамен за сохранение верности своему языку и культуре, как правило, эти социальные верхи предпочитали первое, таким образом, отчуждаясь от своего народа в культурно-языковом отношении. Так возникали так называемые неполные, или «крестьянские» нации, следствием чего становилось и появление этнически и, что непосредственно связано с этим, социально неполных языков, языков частичного этнического распространения. Подобными языками на просторах бывшего Советского Союза среди прочих являются, например, белорусский и два мордовских языка – эрзя-мордовский, или эрзянский и мокша-мордовский, или мокшанский. В настоящее время этими языками преимущественно пользуются крестьяне соответствующих народов, жители небольших городов, также наиболее тесно связанных с сельскими местностями, а также часть гуманитарной интеллигенции, непосредственно занятой вопросами культуры и языка (учителя, преподающие данные национальные языки, языковеды, литературоведы, фольклористы, писатели, артисты национального театра, журналисты газет и журналов, издающихся на упомянутых языках, работники издательств, занятых выпуском национально-языковой литературы). Остальная часть интеллигенции, жители больших городов в целом (за исключением недавно переселившихся в них крестьян, сохраняющих по инерции частично родной язык) пользуются не своим национальным языком, а языком общеимперским (фактически позднее – общесоюзным), в данном случае – русским. Этому во многом способствовало то, что в Советском государстве, где была полностью уничтожена частная собственность и заменена собственностью государственной, поскольку во главе Союза стояли фактически русское государство, русская власть и русская (по направлению своей главенствующей линии) партия, доступ к материальным благам и высшему образованию могли получить только люди лояльные к русскому языку и культуре. Чем выше была их руссифицированность, а, следовательно, и степень этой лояльности, тем больше было у них шансов добиться успехов в жизни. Все нерусское в государстве стремились свести до минимума, т.е. нерусский язык в основном допускался только для представителей нерусских «национальных» профессий, перечисленных выше. У тех народов или их частей, где полная нация сложилась еще до Октябрьской революции или до присоединения к Советскому Союзу, в силу ее сформированности и наличия (это относилось к Грузии, Армении, странам Балтии – Эстонии, Латвии и Литве, к Западной Украине) провести данную политику было сложно ¹. Там же, где национальная элита

¹ Однако и здесь проводилась линия максимальной денационализации, одним из средств которой была депортация местного нерусского населения (эстонцев, латышей, литовцев, западных украинцев в Сибирь) и заселение данных недавно присвоенных территорий так называемым русскоязычным населением. Что в некоторых случаях угрожало коренной национальности превратиться на своей исторической родине в национальное меньшинство. В Латвии, например, – что стало там причиной межнациональных конфликтов, – как известно, процент приезжего населения составляет около половины всего ее населения в целом. Известному советскому идеологу, члену ЦК КПСС М.А. Суслову в связи с этим приписывали, например, слова, якобы сказанные им в порыве откровенности: «Да, Литва будет, но без литовцев», – когда как раз Литва из стран Балтии благодаря высокой степени рождаемости литовцев (очевидно, как римо-католиков) является в смысле процента коренного населения наиболее благополучной из стран Балтии: приезжего (нелитовского) населения там не более 18%.

(богатые и образованные люди) к Октябрьской революции только начинала складываться, ее удалось в основном ликвидировать, - зажиточных крестьян путем их «раскулачивания», зажиточных горожан путем экспроприации их частной собственности или удушения непосильным налоговым бременем (и тем самым деклассирования, пролетаризации), образованные же люди как представители национальной (нерусской) элиты попросту уничтожались под предлогом их «национализма». Естественно, что подобная неполнота нации не может не сказываться отрицательно на ее политическом, культурном и экономическом развитии. Следует заметить, что в свое время (в XIX веке) явление неполноты нации было характерно для многих народов Центральной Европы в связи, с чем среди этих народов был широко представлен феномен социально отмеченного двуязычия. У целого ряда народов в связи с этим их социальные верхи пользовались не языком своей нации, а языком главенствующей над их странами страны-метрополии. Это относилось к чехам, словенцам, хорватам, латышам и эстонцам, где языком их денационализированных социальных верхов являлся немецкий язык, финнам, где в крупных городах, также все более или менее зажиточное и/или образованное население говорило по-шведски. Высшие социальные слои словаков пользовались венгерским или чешским языком (последним как результатом сильного чешского культурного влияния). У южных славян, сербов в городах был в ходу турецкий язык, также турецкий либо греческий (в силу большого экономического и культурно-религиозного влияния Греции). Однако, поскольку все упомянутые народы жили в условиях частной собственности, позволяющей людям быть до известной степени независимыми от государства с его политикой, то постепенно зарождающаяся у них собственная национальная и национальноязычная буржуазия, могущая бороться с чужеземным владычеством и конкурировать с иноземной и собственной денационализированной аристократией, смогла изменить национально-языковую обстановку в крупных городах, сделать национальный язык авторитетным и престижным. Так постепенно немецкоязычный город Prag стал чешско-язычным городом Praha, шведско-язычный Helsingborg – финно-язычным городом Helsinki, венгерско-язычный Pozsony превратился в словацкоязычный город Bratislava, вместо польско-язычного города Livow появился украинско-язычный Львів и т.п. Те же процессы могли бы произойти и у народов Восточной Европы, живущих в пределах Российской Империи, позднее ставшей Советским Союзом, сохранившим, однако свою имперскую сущность, но их развитие, как было сказано выше, было заторможено особым советским строем, очевидно, представляющим собой не столько социализм, как утверждали его приверженцы, сколько разновидность государственного капитализма, где уже государство согласно «табели о рангах» распределяло свои доходы, создав новый тип аристократии. Так называемую партийно-государственную номенклатуру, в услужении у которой находились другие более социально низкие слои населения. Однако поскольку строй этот оказался недолговечным и непродуктивным, вызвав отставание бывшей Российской Империи (в ее новом советском издании), особого русского пути развития, отличающегося от развития остального человечества, не получилось, по-видимому, заторможенные процессы формирования наций, завершённые в Центральной Европе должны найти свое продолжение и в Восточной Европе и явно архаичные неполные нации и здесь должны постепенно превратиться в нормальные полные с полным набором всех социальных слоев, объединенные одним языком, общим для всей нации, независимо от принадлежности к тому или иному ее социальному слою.

Итак, языки неполного этнического распространения являются следствием определенной национальной недоразвитости народов, их вхождением в национальное государство с высокой степенью централизации, связанной, возможно, с его относительно небольшой территорией, последнее относится уже к ряду государств Западной Европы, где, например, в Испании только в послефранкистский период ряд испанских народов получили на своей национальной территории права автономии и возможность свободного употребления национального языка в качестве официального. Что же касается Франции, то там нефранцузские народы (баски, бретонцы, корсиканцы, каталонцы, немцы) только борются за расширение прав для широкого употребления своих языков.

Положение языка частичного (неполного) этнического распространения, как легко себе представить, хотя и прочнее языка частичного генерационного распространения, все же еще достаточно шатко, особенно если процесс ассимиляции приобрел широкие размеры и имеет тенденцию к прогрессированию. В этом случае постепенно частичная распространенность языка среди этноса способна постепенно привести к его частичной распространенности среди поколений (генераций). Поэтому народ, стремящийся продолжить свое собственное этническое бытие, тяготеет к тому, чтобы язык охватил все слои этноса и стал общеэтническим. Таким образом, в данном случае этот национально-языковой возрожденческий процесс приобретает явно социальный характер.

Стадию частичнотнического языка проходил при своем возрождении и иврит. Однако здесь этот процесс имел в основном противоположное социальное направление. Ивритом владели в начале как раз не низшие слои еврейского общества, а его высшие и средние слои. Социальные низы, не имевшие возможности посвящать свое время освоению сложного языка, к тому же сильно отличавшегося от их бытовых языков, идиша и сефардского (еврейско-испанского), сами почти не были знакомы с ивритом (за исключением знания нескольких молитв у мужчин) или знали его плохо. Поэтому если у большинства этнически неполных наций знание национального языка и переход к его употреблению поднимался снизу

вверх, то знание и употребление иврита, напротив, спускалось сверху вниз. Иврит у евреев, в отличие от других наций, в силу обстоятельств, ставших неполными, сохранялся не в социальных низах, а в социальных духовных верхах еврейского общества. Поэтому вытеснение промежуточных, по своей сути, «плебейских» языков, которые сами же евреи именовали «жаргонами» (в том числе так долго назывался идиш), напоминало не столько процесс социального возвышения некогда «крестьянских» языков, сколько процесс своеобразной «ассимиляции» со стороны господствующего и господского языка с той только разницей, что это был язык не чужой, а как нельзя свой, только на время вышедший из употребления и ставший праздничным, особенно почитаемым гостем в еврейской жизни в условиях диаспоры.

Более высокую степень в социолингвистической классификации живых языков занимает язык полноэтнический, (или частичного территориального распространения). В отличие от только что рассмотренного языка частичного этнического распространения язык данной классификационной категории охватывает этнос, нацию целиком, как нацию, обладающую полным набором всех социальных слоев, которые положено иметь полной нации. Здесь может быть представлена (пока она существует) и родовая дворянская аристократия вместе с мелкопоместным и уже лишившимся поместий дворянством, и крупная, средняя и мелкая буржуазия (мещанство), и купцы, интеллигенция (техническая и научная), и представители творческих профессий (писатели, художники, артисты), и рабочие, и, разумеется, крестьяне (которыми часто только почти и ограничивается состав неполной нации), и чиновничество, полицейские, военные, - которые независимо от того, каким языком они вынуждены пользоваться при исполнении своих обязанностей, – в кругу своей нации, в общении с ее представителями прибегают только к национальному языку. И в дополнение следует сказать, что, как и в каждом обществе, здесь, к сожалению, присутствуют также и так называемые маргиналы – преступники, воры, убийцы, бандиты, грабители (люмпены) и представительницы «древнейшей профессии», проститутки высшего и низшего пошиба. И все они также в общении со своими жертвами и преследователями или «клиентами», которых обслуживают, пользуются также не языком соседней страны, даже если это господствующая над их страной метрополия, а собственным национальным языком.

В разряд языков неполного территориального распространения (и одновременно полного этнического распространения) относятся те языки, народы, носители которых, или утратили свою государственность, или только недавно ее создали. В первом случае, поскольку страна с данным языком вошла в состав многонационального государства, где господствует другой, общегосударственный язык, ее национальный язык для приезжих из метрополии становится более или менее факультативным и они, даже подолгу живя в данной стране, могут его не употреблять или прибегать к нему лишь изредка. Следовательно, в подобных случаях, хотя язык основной нации и является общеупотребительным для всех ее представителей, он не охватывает всей своей этнической территории, страны распространения, не распространяясь на носителей языка метрополии, проживающих там, либо охватывая их только отчасти. Таким в частности был польский язык в период разделов Польши, когда в ее частях подпавших под власть Пруссии и Австро-Венгрии официальным был немецкий язык, а в части, отошедшей к России – русский. Правда, пассивное сопротивление поляков, их неприязненное отношение к проживающим среди них мигрантов, в частности, к русским из этнической России, заставляло последних осваивать польский язык и часто отлично им овладевать, но, разумеется, так было отнюдь не всегда. И поэтому вплоть до восстановления польской государственности польский язык, охватывая всё польское (этническое) общество, являясь полноэтническим, в то же время оставался языком только частичного территориального распространения. Таким же был и венгерский язык на территории Венгрии, пока она входила в состав Австро-Венгрии, и ещё не возник принцип двуединой монархии, т.е. до 1866 года (с небольшим «антрактом» венгерской революции 1848-1849 гг.). В это время в Венгрии Австрия попыталась, по крайней мере, в официальных учреждениях, всюду насаждать немецкий язык, чему венгерский народ, прежде всего в лице своей дворянской элиты, усиленно сопротивлялся, упорно говоря по-венгерски, печатая на венгерском языке многочисленную прессу и литературные произведения, одеваясь в венгерские национальные костюмы (их дворянский мужской вариант очень напоминал, – если с ней не совпадал, – военную гусарскую форму), исполняя венгерские песни, танцуя венгерские танцы. Другой случай возникновения языка неполного территориального распространения представляет собой, напротив, ситуация, когда народ не утратил государственности, а или только что её восстановил после периода длительной утраты, или впервые вообще создал своё государство. Оба примера можно проиллюстрировать феноменом латвийской государственности. После её создания в 1920 году, когда латышский язык на территории Латвийской республики был провозглашен государственным, всем чиновникам было вменено в обязанность говорить с посетителями только на латышском языке и на том же языке принимать от них письменные заявления. В случае несоблюдения служащими государственных учреждений этого требования на них налагались денежные взыскания, в случае повторных нарушений – более строгие санкции, вплоть до увольнения с работы. Поэтому, если после принятия закона к чиновнику, например, подходил посетитель и обращался к нему по-русски, на это со стороны чиновника следовала фраза, сказанная по-латышски: «Nesaprotu. Runājiet, lūdze latviski» («Не понимаю. Говорите, пожалуйста, по-латышски»). Посетителю в таких случаях приходилось или собирать крохи сведений по

латышскому языку и понемногу выдавливать из себя несколько слов по-латышски или звать переводчика и платить ему за устный или письменный перевод, за общение с властями. Естественно, подобное положение заставляло всё и тогда довольно значительное нелатышское население Латвии, даже если оно училось в русских, белорусских, еврейских, немецких или литовских школах или гимназиях, усиленно изучать латышский язык, и поэтому к 1940 году, году так называемого «восстановления советской власти в Латвии», которое латыши считают началом её 50-летней оккупации, всё население Латвии хорошо практически владело латышским языком и переводчики им уже не требовались.

Новая обстановка сложилась в Латвии с 1940-го года, а в особенности с 1944-1945-го года, когда Латвия была освобождена от немецкой оккупации, но в ней снова была восстановлена советская власть. Отчасти не без влияния того, что среди коммунистов Латвии сохранились так называемые «интернационалистские» (а на поверку, предательские, по отношению к собственному народу) традиции, Латвия оказалась самой гостеприимной из стран Балтии по отношению к приезжим, которые ввиду этого хлынули туда неудержимым потоком. В силу этого вскоре во многих латвийских городах приезжие стали составлять едва ли не половину, а иногда и большинство населения. Чем больше их прибывало, тем меньше им требовался латышский язык, и уже не столько приезжим, общавшимся на русском, требовался латышский язык, сколько хозяевам страны, латышам, требовался русский. Русскоязычный житель Латвии мог, живя там годами или десятилетиями, свободно обойтись без знания латышского языка, латыш, приехавший в свою(?) столицу, на каждом шагу «натёкался» на русский язык, и нравилось ему подобное положение вещей, или не нравилось (скорее видимо всё же последнее), вынужден был знать русский язык. Именно поэтому сейчас в Латвии и создалась явная межнациональная напряженность. Латыши, восстановившие свою подлинную, а не советского образца, государственность, естественно хотят чувствовать себя в своей стране, как у себя дома, т.е. всюду иметь возможность говорить на своем родном и теперь уже государственном языке. Приезжее население, особенно люди старшего поколения, привыкшие до сих пор в течение многих лет жить в чужой стране на правах её хозяев, т.е. не считаясь с её интересами, языком, национальными особенностями, с большим трудом и психологически, и просто физически, особенно умственно перестраиваться на новый лад. И так как приезжего населения сейчас в Латвии очень много и особенно русских, страсти которых небезуспешно подогреваются и со стороны России, процесс постепенной адаптации этой некоренной части населения Латвии будет трудным и мучительным как для нее самой, так и для коренного населения, куда входят не только латыши, но и довоенные русские, вполне адаптировавшиеся к реалиям латвийской действительности, которые, сохранив, русский язык, в то же время частично овладели и латышским языком, научились издавна уважать ценности латышской культуры, в том числе читать в оригинале латышских классиков (Я. Райниса, Р. Гнагриана, А. Чака, А. Улита и целого ряда других, способных украсить литературу и намного более многочисленного народа). Следует думать, что в конечном счете постепенно возникшая сложная ситуация будет улажена, хотя для ее разрешения потребуется немало усилий и обоюдной доброй воли.

Из объяснения состояния языков находящихся в положении частичного (или неполного) территориального распространения вытекает, что для языка, находящегося в данном положении и несравненно более стабильно, чем у языка с частичным этническим распространением – где вполне возможно (во всяком случае, не исключено) и сползание к языку частичногенерационному, – все же его положение чревато опасностью межъязыковых и межнациональных конфликтов. Эта опасность особенно велика, когда в стране данного языка становится слишком значительным приток населения иноязычного и иноэтнического происхождения. Эта опасность иногда возникает даже у народов с непрерывной и стабильной государственностью. В частности, отмечающийся в настоящее время праворадикальный шовинистический экстремизм, характерный для таких стран Западной и Центральной Европы, как Франция или ФРГ возник не на голом месте (как говорится: «Нет дыма без огня»): большой наплыв в эти сравнительно благополучные страны, в частности, выходцев из мусульманского Востока (во Францию арабов, в Германию турок и курдов), начинает раздражать французов и немцев, которых неприятно шокирует обилие на ряде их улиц людей, говорящих на чужих языках, ведущих себя не в соответствии с привычными для них стандартами поведения. Как следствие, им становится неуютно жить в собственных странах. Жители этих стран уже начинают опасаться, что при более высокой, чем у них, рождаемости пришельцев, они постепенно начнут превращаться в национальное меньшинство в своих собственных государствах, и, как защитная реакция возникает желание вытеснить этот уже угрожающий им наплыв чужеземцев, чтобы он, – даже без войны, – не превратился в готовый их залить и потопить поток. Отсюда в целом ряде стран возникают, как защитные меры так называемые иммиграционные квоты, ограничивающие прием иммигрантов или же иногда довольно длительные сроки для получения права гражданства той или иной страны, предполагающие в частности высокую степень знания языка страны. В Эстонии, например, еще в советское время (правда, уже в период перестройки) был принят «Закон о языке в Эстонской ССР», предполагающий 6 степеней владения эстонским языком. Согласно этому закону, знание эстонского языка I-ой (самой низшей) степени давало право работы только наиболее низкоквалифицированной и низкооплачиваемой (например, уборщика мусора), – где, естественно достаточно было знание самого незначительного набора примитивных слов и фраз. Наиболее высокая (6-

ая) степень владения языком относилась к представителям профессий, предполагающих серьезную и ответственную работу с людьми (врач, адвокат, служащий административного аппарата, депутат парламента). В Швейцарии (во всяком случае, в прошлом) для получения гражданства в одном из кантонов требовалось не менее 20 лет постоянного проживания в стране и в том числе отличного владения одним из государственных и официальных языков страны – немецким, французским, итальянским, к числу которых несколько десятилетий тому назад присоединился и ретороманский язык. К этому еще, однако, следует добавить, что для живущего в немецкоязычной части Швейцарии знание одного лишь немецкого литературного языка, - который к тому же не вполне идентичен с немецким ФРГ или Австрии далеко недостаточно. Подобный человек будет себя чувствовать в Швейцарии (немецкоязычной) вечным иностранцем. Дело в том, что в Швейцарии между швейцарцами в качестве разговорного, как правило, употребляется так называемый швейцарско-немецкий (в одном из двух вариантов, цюрихском (наиболее престижном) или бернском). Немецкий литературный язык в Швейцарии – это типичный литературно-книжный язык: на нем издают периодику и газеты, вещают по радио (однако и здесь не всегда, – частично и здесь распространен швейцарско-немецкий), читают лекции. В большинстве же остальных случаев жизни как обиходно-разговорный, бытовой употребляется швейцарско-немецкий (Schwyzer Döitsch), в основе которого лежит аллеманский диалект, сильно отличающийся от немецкого литературного языка. Следовательно, чтобы стать стопроцентным швейцарцем потребуются немало усилий. Поэтому и в Швейцарии (как и в современной Латвии) живет немало неграждан, а на швейцарских предприятиях работает до нескольких сотен тысяч рабочих из приграничных местностей других смежных стран, особенно из Италии. Рано утром они пересекают границу Швейцарии, отправляясь на работу в ней, чтобы к вечеру (на ночь или выходные дни) возвратиться в родную страну.

Более высокую, и уже вполне стабильную ступень занимают языки полнотерриториального распространения, или иначе полнотерриториальные языки. Такими языками являются обычно языки государства, давно ставшего самостоятельным, в котором знание государственного языка распространилось также на национальные меньшинства, проживающие там и даже на проживающие там отдельные народы, например, в Нидерландах на фризов, в Финляндии на саамов, не имеющих собственных государств и, образно выражаясь, живущих под одной крышей с основным народом государства. Обычно у народа, создавшего собственное государство, положение его языка прочно и стабильно, поскольку достаточно прочным и стабильным оно было уже до создания государства у титульной нации, создавшей его. Распространенность языка у этой основной этнической нации делает, как правило, данный язык влиятельным даже до создания титульной нацией собственного государства. Благодаря этому, несмотря даже на то, что данный язык еще не объявлен государственным, им стараются овладеть представители других этносов, проживающих на этнической территории соответствующего народа. Так было, например, в той части Польши, которая после разделов Польши вошла в состав России. Несмотря на то, что после подавления польского восстания 1863-1865 гг. Россия взяла жесткий курс на русификацию (и обрусение) Польши и польский язык был полностью изгнан из органов администрации и государственных учебных заведений, позиция польского общества в отстаивании и использовании польского языка была настолько однозначно твердой и неуступчивой, а скрытая враждебность к приезжим, пользующимся русским языком, настолько подчеркнутой и недвусмысленной, что для того чтобы чувствовать себя более или менее комфортно, приезжие, надолго обосновавшиеся в Польше, вынуждены были овладеть польским языком и в неофициальных контактах с поляками (ибо в официальных им предписывалось пользоваться только русским языком), они старались разговаривать с ними только по-польски. Так поступали даже взрослые. Тем более это касалось детей выраставших в Польше. Те часто говорили на столь безупречном польском языке, что могли пристыдить не одного поляка, приехавшего откуда-нибудь с Украины, даже Западной, и говорящих на так называемом периферийном польском языке (polszczyzna kresowa) с сильным украинским акцентом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после провозглашения независимости Польши польский язык очень быстро распространился среди непольского населения Польши. Он и до этого был, как правило, неплохо там известен. Отсюда временами у некоторых из польских писателей и такие «польские» фамилии, как Afanasjew (Афанасьев), Riabinin (Рябинин). Часть русского меньшинства в Польше сохраняет русский язык (отсюда русские газеты, русские (православные) церкви, русский театр (в Лодзи)), часть, особенно в случае смешанных браков, перешла на польский язык, но независимо от сохранения (или утраты) русского языка за долгие годы жизни в Польше все овладели польским языком. Особенному сближению русских с поляками способствовала война и период гитлеровской оккупации, длившийся в Польше около 6-ти лет (с 1939 по 1945 год), в которой русские заняли антинемецкую и, следовательно, патриотическую польскую позицию, борясь вместе с поляками с гитлеровским нашествием.

Сложнее обстоит дело, когда провозглашение независимости застаёт язык основного этноса в состоянии даже только частичной этнической распространенности. Тогда иногда целые годы, а порой и десятилетия уходят на то, чтобы уже в условиях собственного государства основной народ перешел на собственный язык от языка некогда властвовавшей над его страной метрополии. Так, например, обстоит в Ирландии, где многовековое господство Англии (в течение 800 лет) привело к тому, что ирландский язык,

причем не только в городе, а и в деревне был в значительной степени вытеснен английским. Поэтому в начале обретения Ирландией независимости (в 20-ые годы XX века) многим казалось уже абсолютно безнадежным возвращение ирландцев к своему языку, провозглашенное ирландским правительством. И только теперь эти усилия начинают ощутимо сказываться в том, что ирландский язык в Ирландской республике все больше получает распространение среди городской интеллигенции даже в основном англоязычной восточной части Ирландской республики.

Теперь, как было в 20-ые годы, нельзя уже сказать, что ирландский писатель не имеет аудитории. Следовательно, ирландский язык медленно, но верно получает распространение даже среди англоязычных ирландцев, возвращающихся постепенно к своему национальному языку. Получает ирландский язык распространение и в Ольстере, где на нем, как полагают, говорят уже десятки тысяч человек¹.

И хотя положение ирландского языка еще не стало однозначно стабильным, есть все основания считать, что оно уже далеко не так безнадежно, как было в начале XX века, и более того, можно полагать, что оно со временем будет все более упрочиваться, несмотря на ряд противодействующих обстоятельств – как внешне, так и внутренне языковых:

1. разьединенность Ирландии, Ирландской Республики, в основном сельскохозяйственной, и промышленного Ольстера, оказавшихся в пределах разных государств;
2. межконфессиональная, связанная с экономической и культурной, рознь в Ольстере;
3. отсутствие выработанной общеирландской языковой нормы и связанное с этим диалектное дробление языка, пока все еще не преодоленное.

Пример Ирландии говорит о сложности, иногда сопутствующей становлению национальных государств в Европе, приходящим на смену государствам имперского типа. В то же время их появление симптоматично для XIX и XX веков. Объясняется оно тем, что рамки империй становятся слишком обременительными и неудобными как для народов провинций (колоний), так и для народа метрополии. Незрелость провинций, да и самой метрополии, господство которой оправдывалось только удобством ее местоположения (у скрещения удобных торговых путей), в прошлом оправдывало существование империй, как удобной формы взаимосвязи, как бы взаимодополняющих друг друга областей. С развитием промышленности (и экономики в целом) в провинциях все более экономически обоснованным и целесообразным становилось их самостоятельное развитие, все менее оправданной опека и регламентация их развития из метрополии, все менее удобной необходимость связи с внешним миром не непосредственно, а через метрополию, которая все мелочливо контролирует с помощью огромной армии чиновников. Одновременно все трудней (и нецелесообразней) становится для метрополии выполнять свою организующую роль. Тенденция все брать у провинций (колоний) невольно сдерживает собственное развитие. Привычка командовать, что становится все труднее, вынуждает наращивать не «мышцы собственной экономики», а производительный «жир» в виде все более разрастающегося управленческого аппарата, для содержания которого необходимо увеличивать бремя налогов. Потребность держать в узде стремящиеся к независимости народы провинций (колоний) вынуждает все время увеличивать полицию, жандармерию и армию – которые содержать все труднее ввиду слабого развития экономики. Поэтому хотя все еще очень сильна инерция к сохранению формы империи (причем не только у народа метрополии, а и значительной части народов провинций), объективные обстоятельства вынуждают империи к распаду. Это, разумеется, отнюдь не значит, что между частями бывшего многонационального государства, распавшегося на ряд в основном (одно) национальных государств не возникает потребности в связях. Но это уже связи совершенно другого, высшего порядка, связи гораздо более демократичного и равноправного партнерства.

На указанных универсальных тенденциях, коренящихся во всей совокупности закономерностей развития человечества следовало остановиться для того, чтобы показать причину возникновения того типа государств, где становится возможным появление языков полного территориального распространения. В целом ряде государств, таких, например, как Румыния, Чехия, Словакия, Венгрия, Греция, Албания, язык титульной этнической нации, становящийся стержнем нации политической, всего населения данного государства, ограничивается рамками государства и за пределы соответствующего государства не выходит, в том смысле, что данный язык вне данного государства, среди других народов мало

¹ см.: Михайлова Т. О современной ирландской литературе, - в кн. – Слово об Ирландии. Голос Эрина. М., 1986, с. 250; Калыгин В.П., Кроль А.А. Введение в кельтскую филологию. – М., 1989, с. 184.

¹. Это правило усиливается и тем обстоятельством, что нередко даже туристам и отдыхающим не требуется знание языка данной страны, особенно, если они принадлежат к числу народов, носителей наиболее распространенных европейских языков (английского, немецкого, французского, русского), или владеют этими языками. В небольших странах, значительную часть доходов которых дают туризм и отдыхающие в них иностранцы, стараются обеспечить их достаточным числом гидов, владеющими данными языками, те же требования (знание основных иностранных языков) становятся перед обслуживающим персоналом (гостиниц, ресторанов, курортов), что позволяет или очень поверхностно знакомиться с языком данной страны, или вообще его не знать.

известен и мало изучается. Правда, те, кто в служебных целях посещает соответствующую страну или, тем более, задерживается там надолго, изучает язык соответствующей страны. Знакомятся с ним в большей или меньшей степени и туристы, посещающие страну для отдыха или поездки по ней. Однако, поскольку подобных людей сравнительно немного, язык соответствующих стран мало известен в мире, и его (за исключением представителей данных народов, живущих за пределами своей страны), как правило, не изучают в качестве иностранного языка в средней школе¹.

Все это вызывает то, что в странах подобных перечисленным (сюда еще можно отнести в Европе: Нидерланды или страны Скандинавии) усиленно изучаются распространенные иностранные языки. Их здесь интенсивно учат (поскольку не надеются найти за границей людей, знающих язык данных стран.)². Постепенный рост престижности и значения языка отражается и на распространенности связанных с ним пособий, как-то – числе словарей, грамматик, учебников.

Языки единоличного распространения и близкие к их состоянию – частично генерационные языки (типа водского, с числом говорящих в последнее время не выше 50 человек, людей старческого возраста) отражаются в издании их словарей и описательных грамматик узкого назначения. Их удел относится к чисто научной литературе, для специалистов и языковедов-теоретиков. Поэтому, разумеется, и учебников по этим языкам не издается. Язык, от которого отказываются (другой вопрос, в силу каких обстоятельств) сами носители этого языка, не вызывает потребности в его практическом изучении.

Значительно больший интерес к себе, хотя бы у его носителей, вызывает язык частичного этнического распространения. Здесь уже, кроме словарей (и не только переводных, а иногда и толковых) и грамматик, описательных и исторических, распространены и учебники, но характерно, что они издаются (за редкими исключениями) только на языке соответствующего народа, значит, потребности в изучении у других народов не возникает. Изредка только появляются разговорники с переводом на более распространенные языки.

Гораздо больший интерес к себе вызывают языки полного этнического (и частичного территориального) распространения. Так, в период пребывания стран Балтии (Эстонии, Латвии и Литвы) в составе Советского Союза в соответствующих Советских республиках выпускались (и нередко) словари, грамматики, учебники и разговорники по эстонскому, латвийскому и литовскому языкам на русском языке. Однако, все же обращает на себя внимание, что словари, которыми, разумеется могли воспользоваться и русские люди, владеющие русским языком, предназначались в основном не для них, а для – соответственно – эстонцев, латышей и литовцев.

Причем издавались эти пособия не в Москве, а у себя на родине. Следовательно, мало кто в других республиках специально изучал соответствующие языки. Знакомиться с ними начинали только по приезде в одну из этих стран.

Уже значительно больше пособий выходит по языкам полнотерриториального распространения. Правда, это, как правило, книги или для изучения данных языков в университете или учебники типа самоучителей. Здесь еще отсутствуют книги типа учебников для средней школы, предназначенные для изучения данного языка в качестве иностранного.

Еще большее распространение получает язык внетерриториального распространения, имеющий несколько разновидностей, в связи со степенью их распространенности.

Само название «язык внетерриториального распространения», является, в сущности, сокращением названия более полного (и более точного) – «язык полного территориального и внетерриториального распространения». Однако, поскольку, само собой разумеется, что для того, чтобы язык стал языком внетерриториального распространения, он должен быть полностью внутритерриториальным, эта начальная часть их определения как само собой разумеющееся опускается.

Есть, как уже было сказано, несколько разновидностей языка внетерриториального распространения. Это:

- 1) язык частичного внетерриториального распространения;
- 2) язык общего внетерриториального распространения (обе указанные разновидности относятся к мононациональному языку);
- 3) язык общего внетерриториального распространения полинационального типа или иначе с полинациональными вариантами;

² В странах Скандинавии, например, в связи с этим не дублируют фильмы на основных европейских языках, имеющих репутацию «мировых», снабжая их только титрами, тем самым кинозал превращается только отчасти в место развлечения. В значительной части это и место для изучения наиболее необходимых иностранных языков. Но, с другой стороны, народы, языки которых широко известны в мире, отличаются, – что отмечается всеми, – большой «лингвистической ленью», и это понятно: у них слишком мало стимулов для их изучения, что всегда требует много усилий, напряжения и времени, поскольку они надеются найти всюду людей, которые их поймут.

- 4) полиэтничный язык (не всегда являющийся языком внетерриториального распространения в смысле его употребительности вне своей собственной этнической территории).

Рассмотрим все вышеуказанные разновидности языка внетерриториального распространения.

Экспансия языка внетерриториального распространения не обязательно связана с экспансией чисто территориальной, т.е. с захватами (присоединениями) внеэтнических, относящихся к другому этносу и другому языку, территорий. Так, в свое время императорский Китай распространял свою власть на Вьетнам и Корею, с чем там было связано и распространение китайского языка и культуры. Однако Япония всегда сохраняла политическую независимость от Китая и, тем не менее, испытала огромное влияние как со стороны китайской культуры (в том числе и литературы) в целом, так и со стороны китайского языка, что выразилось отчасти как в том, что часть японской литературы, – как, например, и корейской, – создавалась на китайском языке, так и в том, что в японский язык вошло очень много китайских лексических заимствований.

В тех случаях, когда язык, в основном распространенный на своей этнической территории в качестве полнотерриториального языка в то же время в некоторых областях человеческой деятельности находит себе применение далеко от своей этнической территории или, по крайней мере, многим пассивно знаком (т.е. на нем много читают и понимают его в устном виде), можно говорить о языке частичного внетерриториального распространения. Примерами подобных языков являются итальянский как международный язык вокалистов, а отчасти и музыкантов (международный «нотный язык» с указанием манеры исполнения: *rendereoso* – «задумчивый», *con fuoco* – «с огнем», *cantabile* – «напевный» и т.д.), в связи с этим итальянский язык изучается в консерваториях всего мира; польский как язык славистических исследований (в области языкознания и истории), в связи, с чем на съездах славистов польские ученые выступают только на польском языке и их в своем большинстве понимают слависты всего мира; финский, как один из рабочих языков финно-угорovedческих конгрессов (на этом языке часто выступают финно-угорovedцы Венгрии, Польши, Румынии, Германии, не являющиеся финнами по происхождению). Особенностью языков частичного внетерриториального распространения является то, что, распространенные преимущественно на собственной этнической территории, они в некоторых из отраслей благодаря выдающимся успехам в них получают широкое распространение в мире среди специалистов соответствующей отрасли знания. Число подобных специалистов, разумеется, сравнительно невелико, но благодаря им язык или культура, созданная на нем получает широкое распространение в мире.

Языки частичного внетерриториального распространения еще не добиваются того, чтобы их где-то вне пределов их этнических территорий изучали в средней школе. Однако они уже получают широкое распространение в специальных учебных заведениях, связанных с высшим образованием. Так, как уже отмечалось, итальянский язык изучается в консерваториях всего мира, особенно на отделениях, где готовят вокалистов.

В том случае, когда на определенном языке в связи с успехами государства, в котором он распространен, пишется и издается очень много важного и полезного в целом ряде областей, а сама страна (иногда – страны), где распространен данный язык отличается большими успехами во всех областях экономики, науки, культуры, что вызывает к ней большой интерес, с данным языком стремятся познакомиться в разных странах мира. Он входит на законных правах в клуб так называемых «мировых языков». Подобный язык следует отнести к языкам общего внетерриториального распространения. В связи с этим подобный язык начинают изучать еще в средней школе, для того чтобы выпускник высшей школы (университета или института) мог им свободно пользоваться в устном общении и на письме или, по крайней мере, мог свободно на нем читать научную литературу по своей отрасли.

Понятие «мировой язык» приходится брать в кавычки и сопровождать его определением «так называемый», потому что это определение не достаточно точно. Любой «мировой язык» при всей своей распространенности в мире никогда не стал и не сможет стать универсальным всемирным языком, с ним в функции международного устно-разговорного языка в разных частях земного шара будет успешно соперничать какой-либо другой «мировой язык». Таким образом, в качестве универсального средства общения любой такой язык является зональным. Верно, что на Дальнем Востоке и в Индии вне конкуренции как «мировой» выступает английский. Он же получил большое распространение в Европе. Но это так же верно, как и то, что на огромных пространствах стран бывшего Советского Союза в такой же роли выступает русский, что в Румынии по-прежнему прочные позиции удерживает французский язык, который так же господствует в странах Африки, в прошлом бывших колониями Франции и Бельгии, что в Латинской Америке общераспространенными как среди испанцев и португальцев по происхождению, так и среди индейских народов являются языки испанский и португальский. Свое определение «мировые языки» языки общего внетерриториального распространения оправдывают главным образом тем, что даже там, где на них не говорят, на них много читают. Это относится, в частности и к английскому языку в пределах Советского Союза или Латинской Америки. Кроме того, как и всюду и всегда в жизни языков мира, курс «мировых языков» беспрерывно колеблется. Еще в начале XIX века, до первой мировой войны среди европейских языков пальму первенства уверенно держал французский язык. Хотя английский язык и получил некоторое распространение среди высших кругов Европы (вспомним хотя бы Анну Каренину,

читающую английский роман по пути из Москвы в Петербург), в общем, тогда английский язык был всего лишь типичным языком частичного внегосударственного распространения. В гимназиях России его, например, не преподавали. Здесь наряду с классическими, латинским и греческим, обучали только французскому и немецкому языкам. Английский язык преподавался главным образом только в мореходных училищах и коммерческих институтах.

В 20-30-ые годы в Советском Союзе в основном обучали немецкому языку. Это было связано как с успехами Германии в области науки и техники, так и с тем, что Советский Союз готовился к войне с ней. Наибольшего бума изучение немецкого языка достигло в 40-ые годы, хотя уже в это время стал все больше возрастать интерес к английскому языку, сперва как к языку союзников, потом как к языку следующего (после Германии) врага. В это же время среди англичан был вне всякой конкуренции в качестве второго французский язык. Но в основном престиж французского языка после второй мировой войны сильно упал, а в связи с демократизацией Германии и ее ведущей роли на европейском континенте стал снова расти «курс» немецкого языка, который явно потеснил в Европе французский язык. Это отражено и в курсе валют: немецкая марка здесь идет сразу же за долларом США и английским фунтом стерлингов, оставляя далеко позади за собой французский франк.

Вместе с распространенностью языка вне пределов его территории, связанной с его значением в области науки и культуры в целом, наблюдается нередко и его территориальное распространение, с чем связывается его полинациональная вариантность.

Так все три наиболее распространенных европейских языка – английский, немецкий, французский, являются в то же время и полинациональными, так как все они имеют несколько национальных вариантов. У английского языка исследователи насчитывают 5 вариантов: 1) британский; 2) американский; 3) канадский; 4) австралийский; 5) новозеландский. У немецкого их 3: 1) немецкий Германии (так называемый *Binnendeutsch*), 2) австрийский, 3) швейцарский. Есть они и у французского языка: 1) французский; 2) бельгийский; 3) швейцарский; 4) канадский (в провинции Квебек - Канада).

Однако есть и языки общего внегосударственного распространения, являющиеся мононациональными. Таким пока является русский язык. Правда, в пределах этнической территории русского языка – если говорить не о его норме, а о фактическом разговорном узусе, – можно отметить заметные различия в русском языке южнорусских, среднерусских и севернорусских областей. Однако, что касается литературного языка, его общепринятый литературный образец всюду един, кроме известных, признанных и языковедами московского и петербургского произносительного вариантов, какие-либо региональные нормы для русского языка не признаны. Это объясняется прежде всего тем, что в отличие от Англии, Германии и Франции, история которых привела к возникновению нескольких англо-, немецко- и франкоязычных государств, этническая территория собственно России входит в состав одного государства, что способствует сохранению целостности языковой нормы.

Следующей, самой высокой и в то же время конечной стадией распространенности языка является стадия языка внегосударственной полиэтнической распространенности, связанной с усвоением языка несколькими разными этносами, при котором происходит полное вытеснение их первоначальных языков. Эта стадия, казалось бы, наивысшего триумфа и проявления ассимиляционной силы языка, является, как правило, и его последней «пирровой» победой.

Наиболее яркой иллюстрацией подобного полиэтнического развития дает история развития и распространения латинского языка. Латинский язык, благодаря развитости культуры, стоящей за ним, – что прежде всего выразилось в развитой письменности, – оказался в состоянии вытеснить целый ряд этнических языков Западной, а частично и Центральной Европы, – этрусский, галльский, хеттский, иберский, лузитанский, дакийский. Однако романизированные (латинизированные) этносы, растворяя свои языки в латинском море, придали латинизированному языку при его усвоении в каждом случае насильно своеобразный этнический «акцент», – этрусский, галльский, хеттский, иберский, лузитанский, дакийский, – и в результате латинский язык распался на ряд резко индивидуальных диалектов – этрусско-романский, галло-романский, иберо-романский, лузитано-романский, дако-романский, которые дали начало отдельным романским языкам – итальянскому (с литературной нормой, сложившейся в Тоскане от Тускана, страна тусков (этрусков)), ретороманскому, французскому, испанскому, португальскому, румынскому.

Так, казалось бы, величайший триумф латыни стал началом ее конца. Латинский народ и латинский язык умерли. Но такова, видимо, была и судьба (пра)славянского, а, в сущности, славянского народа и славянского языка и языка (пра)германского (германского). А ассимилировав несколько этносов и славяне, и германцы утратили свое этническое и языковое единство. Вместо них возникло несколько славянских и германских языков и народов. В сущности, подобная судьба могла бы ожидать и русский язык, и русский народ, осуществившись бредовая идея о возникновении новой исторической общности советского народа с единым «советским» языком, который должен был вытеснить другие национальные.

Вне всякого сомнения, это должно было бы привести к превращению советских народов в «русскоязычное население» со множеством разновидностей «русских языков», которые бы каждый, зажив своей собственной жизнью, имели бы общим предком уже мертвый (пра)русский язык. Поскольку этому

процессу, к счастью, - в том числе в первую очередь для русского языка, - не суждено было сбыться, есть надежда, что русский язык сохранит свое национальное лицо, а также сохранится и русский этнос, русский народ. «Третьему Риму», Москве, именно благодаря распаду Советского Союза не придется разделить судьбу Первого Рима, который создав «новую историческую общность, римский (т.е. романский) народ», тем самым обрек себя на смерть¹.

Первый из этих случаев связан с проблемой глотогенеза, происхождения языков, которая в свою очередь неразрывно связана с проблемой этногенеза, происхождения народов.

Второй случай относится к проблеме вспомогательных языков, имеющих либо постэтническое происхождение, являющееся спонтанным, либо происхождение этническое (внеэтническое), являющееся плановым.

Понятие микроязыка, введенное в лингвистику А.Д. Дуличенко², является чрезвычайно важным и продуктивным понятием.

Если брать всю совокупность идиомов³ в их градуальном расположении, то микроязык займет место между языком, точнее макроязыком и диалектом (или наречием). Нужно сказать, что, в сущности, провести четкую границу между языком (макроязыком) и микроязыком чрезвычайно трудно. Этим, видимо, в основном и вызывается трудность подсчета количества языков в мире, где между приводимыми данными возникает разница вдвое (!). Так в статье «Языки мира», помещенной в энциклопедии «Русский язык», их количество определяется двумя цифрами 2500-5000 языков⁴. Именно ввиду того, что определить разницу между отдельным идиомом, особенно бесписьменным, является ли он отдельным языком или всего лишь диалектом, чрезвычайно трудно, так колеблются соответствующие данные. В конечном счете можно прийти только к одному убеждению; наиболее уверенно отнести тот или иной идиом к разряду (макро) языков можно лишь на основании критерия полноты его функций, универсальности. Чем более сужается число функций языка, тем уже охват им числа пользующихся им социальных слоев, тем труднее соответствующий идиом признать полноценным, - а значит и вообще, - языка, тем более мы склонны определить его как диалект или как микроязык. Одним из существенных признаков языка, кроме широты выполняемых им функций (тем более их универсальности), а также охвата им социальных слоев народа является его письменная фиксация. Однако и ее самой по себе недостаточно. Важно, чтобы письменное употребление идиома было как можно более многосторонним, чтобы письменные его функции охватывали всю гамму возможных функций языка (государственно-административную, деловую, учебную, научную, литературную). Если подобной широты, всеобъемлемости функций нет, то, либо данный идиом еще их не развил и, следовательно, близок к уровню микроязыка, либо это просто микроязык. Наиболее кратко и точно микроязык можно определить как культивируемый диалект, который, как правило, употребляется вместе с соответствующим (макро)языком, но в отличие от последнего в значительно более ограниченном круге функций.

Чтобы объяснить, однако, наиболее четко, что такое типичный микроязык, необходимо, как это, впрочем, и сделано, прежде всего рассмотреть их наиболее распространенные виды на конкретных

¹ В подтверждение того, что подобная мрачная перспектива, предполагаемая здесь, не пустая выдумка можно сослаться не только на приведенные примеры из истории языков, а и на пронизательное замечание А.А. Потебни, подкрепленное к тому же авторитетом, на которого он ссылается, - ср.: Более-менее рабское состояние поглощаемой народности должно же когда-нибудь кончиться. Победенные должны же когда-нибудь выучиться языку победителей; но, по словам В. Гумбольта, до сих пор, сколько знаю, не опровергнутым «никакой народ не мог бы оживить и оплодотворить чужого языка своим духом, чтобы не преобразовать этого языка в другой» (Ueb. Verschied. 208). Народность, поглощаемая другою, после безмерной траты своих сил, все-таки, в конце концов, приводит эту другую к распадению. Нынешний русский литературный язык может сохранять свое относительное единство лишь до тех пор, пока он есть орган незначительного меньшинства. Становясь действительно общерусским, а тем более общеславянским, он в то же время распадался бы на наречия. Т.о., по этому взгляду нет выхода из круга взаимодействия и весь вопрос в том, будут ли сберегаемы при этом народные силы или растрачиваемы в угоду недостижимым целям. (Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976, с. 232).

² Дуличенко А.Д. Славянские микроязыки. (Вопросы формирования и развития). – Таллинн, 1981.

³ Идиомом в понимании автора статьи является любое обособленное языковое образование используемое людьми (независимо от его величины и значения): (макро) язык – (микро) язык – диалект (наречие) – говор – жаргон и т.п. Этот термин незаслуженно теперь выпавший из терминологической системы лингвистов (несмотря на его удобство и необходимость), широко употреблялся в 18 веке.

⁴ Брук С.И., Иванов В.В. Языки мира, - Русский язык (энциклопедия). – М., 1979г., с. 417-420.

примерах.

Как правило, ситуация микроязыка возникает в тех случаях, когда либо (макро) язык деградируя и распадаясь на диалекты, «застывает» на стадии микроязыка или пройдя эту стадию полностью превращается в группу бесписьменных диалектов, либо, напротив, все время повышая свой социолингвистический статус и идя от состояния диалекта к

статусу (макро)языка, напротив, временно выступают в роли (микро) языка. В сущности, следовательно, состояние микроязыка для целого ряда идиомов есть только одной из «точек отсчета», или на пути деградации и снижения социолингвистического статуса или, наоборот, на пути к его повышению и превращению того или иного идиома в полноценный и многофункциональный язык.

Однако поскольку иногда микроязыковое состояние идиома бывает довольно продолжительным, стоит специально остановиться, по крайней мере, на двух наиболее типичных проявлениях этого состояния.

Есть случай, когда микроязык социально ограничен и тем самым напоминает состояние частичноэтнического («крестьянского языка»), т.е. идиома, который используют преимущественно только лица низкого социального положения и невысокого образовательного ценза, и к которым добавляются интеллигенты, дорожащие народным (микро) языком, отчасти исходя из его эстетической ценности (в частности, увлекаясь созданным на нем фольклором), а также исследователи или пишущие на данном микроязыке художественные произведения (писатели, поэты, прозаики и драматурги).

Подобным социально ограниченным славянским микроязыком является кашубский (поморский) микроязык. В прошлом, когда поморане (кашубы) занимали значительную территорию, от Гданска, на востоке, до Любека, на западе, поморский (или кашубский) идиом, входящий вместе с польским и полабским в одну общую лекитскую группу западнославянских языков имел все основания развиваться в отдельный (макро) язык.

Однако, в связи с германизацией большинства поморян и ввиду того, что в настоящее время общее количество кашубов составляет всего 300000 человек и к тому же их территория, непосредственно этнически примыкая к польской, входит в состав Польши, для кашубов (поморян) более приемлемым оказался другой путь развития. В настоящее время кашубы представляют из себя (и в восприятии их самих, и в восприятии поляков) всего лишь часть польского народа, особую этническую группу в его составе. Их идиом рассматривается как один из польских диалектов, хоть, правда, и значительно отличающийся от них (так как он в качестве поморской группы говоров противостоит всем основным, континентальным, польским диалектам). Ни научная, ни даже учебная литература (даже для средней школы) на кашубском языке не создается и не издаётся, не переводится на него с польского и польская литература, а также мировая литература на всех остальных языках мира. Все это кашубы используют, прибегая к польскому языку и читая на нем. Кашубский микроязык, во-первых, функционирует между кашубами как народно-разговорный, бытовой язык, а, во-вторых, на нем создаются произведения кашубского фольклора и создают свои произведения писатели, пишущие по кашубски. Следовательно, кашубский выступает как региональный язык. На другую его роль кашубы не претендуют, хотя бы не только в связи с внешелингвистическими обстоятельствами, а ввиду сильной диалектной раздробленности языка (с особенно большими различиями между севернокашубскими и южнокашубскими говорами). Таким образом, кашубский макроязык, несмотря на значительное свое отличие от польского (макро) языка, что нашло свое отражение даже в особенности графики (в кашубском алфавите, в основном совладающем с польским, есть особые, отсутствующие в польском языке, буквы для обозначения специфических кашубских звуков, - ô, ë, é), остался на уровне микроязыка, и подобное положение кашубов устраивает. С одной стороны, и в связи с чисто лингвистическими, а главное, по видимому, существенными внешнелингвистическими обстоятельствами, они не собираются делать свой язык макроязыком, что является сложным и обременительным делом. В этой функции их вполне устраивает близкородственный лекитский польский язык. Однако польский язык не может отразить близкую им интимную, домашнюю культуру и в этой функции им нужна и их региональная культура и обслуживающий ее кашубский микроязык. Таким образом, кашубский язык выступает в роли своеобразного языка-спутника польского для людей в основном связанных с крупномасштабной городской (с выходом в международную) культурой. Положение, однако, может меняться в более низких социальных слоях кашубов – кашубские крестьяне, рыбаки, ремесленники-надомники, занятые изготовлением ценящегося подлинного народно-прикладного искусства могут, наоборот, в основном говорить по-кашубски, для них языком-спутником, (посредником) при редких выездах в крупные города при общении в летние сезоны с многочисленными отдыхающими, поляками из континентальной Польши, фактически служит польский язык. Он же связывает их с миром (при слушании радио и просмотривании телевизионных программ). У них, кашубов в целом, создалась типичная диглоссическая ситуация: два близкородственных идиома, которые в социолингвистическом плане можно рассматривать как два диалекта, используются в разных функциях в разных случаях жизни. При этом польский язык отличается большей широтой функций и в жизни высших социальных слоев (за исключением кашубофилов, гуманитариев и кашубоязычных писателей) может (почти) полностью вытеснить кашубский микроязык,

что делает кашубскую этнографическую группу, напоминающей группу с частичноэтническим языком. Такое же положение занимает в Германии нижненемецкий (саксонский) микроязык, в прошлом - (макро) язык Ганзейского союза, активно употреблявшийся не только в Северной Германии, но широко известный и в целом ряде смежных стран (Англии, странах Скандинавии, в Великом Новгороде). Теперь в результате потери престижности и вытеснения его верхненемецким (макро) языком, нижненемецкий идиом (Niederskutsch, или Plattdeutsch) в употреблении его оставшихся носителей превратился в типичный микроязык: на нем, как и на кашубском, создается только художественная литература и (фиксируемый) фольклор. Все остальные сферы обслуживает (верхне) немецкий литературный язык. Свои прочные позиции как бытовой, народно-разговорный язык нижненемецкий удерживает только в речевой практике низших социальных слоев. В языковой жизни высших социальных слоев, в том числе в городах Северной Германии, чистый нижненемецкий язык вытеснен (верхне) немецким литературным языком и, если и дает себя знать, то главным образом или в виде отдельных нижненемецких вкраплений в местном (верхне) немецком языке в верхних социальных слоях, или в виде полудиалекта, гибридного сращения нижненемецкого диалекта с немецким литературным языком в нижних и отчасти средних социальных слоях (например, в Берлинском говоре).

Совсем иную роль местный микроязык играет в немикроязычной Швейцарии. Здесь, хотя он еще и не превратился в макроязык (в этой роли выступает местный Швейцарский вариант (верхне) немецкого литературного языка), позиция местного микроязыка, швейцарско-немецкого, базирующегося на аллеманнском диалекте несравненно выше. Швейцарско-немецкий (в отличие, например от нижненемецкого) не является социально ограниченным. Это швейцарский немецкий общеразговорный язык, употребляемый всеми швейцарскими немцами в определенных, преимущественно бытовых ситуациях, независимо от их социального положения. Немецкий литературный язык является для швейцарских немцев языком, преимущественно употребляемым как официальный, учебный, научный и как язык швейцарской художественной литературы, хотя часть ее создается и на швейцарско-немецком (микро) языке.

Ситуация микроязыков интересна тем, что эту стадию, в сущности, проходят все языки на определенной стадии развития. Ее проходили все национальные языки Западной и Центральной Европы, поскольку в то время почти всюду в качестве государственного (официального языка) выступала латынь. Этот же путь прошел и русский язык, так как он должен был вытеснять церковнославянский (древнеболгарский) язык. В этом смысле микроязык образно можно было бы сравнить в его отношении к (макро) языку как отношение ребенка ко взрослому: вначале ребенок нуждается в защите и опеке со стороны родителя (родителей), потом, по мере взросления и развития, он становится самостоятельным и уже не нуждается в этом, со временем как бы «вытесняя» своего предка и занимая его место. Особенно разительно сходна с этим ситуация, когда в роли микроязыка выступает язык, порожденный макроязыком, каким, например, были романские языки: французский, ретороманский, португальский, испанский, итальянский, румынский, - порожденные латынью, а затем вытеснившие ее.

Языками-спутниками другого типа являются экстерриториальные языки, возникшие двумя путями. Первый путь заключается в использовании уже омертвевшего книжного (в прошлом – живого этнического) языка. Подобным языком является, например, латынь. Второй путь заключается в незначительном (плановом) конструировании нового языка с рациональным использованием в основном уже имеющихся наиболее распространенных языковых элементов. Подобным языком является эсперанто, наиболее успешно развивающийся и используемый из (имевшихся к 1990 году) проектов 912 подобных языков¹.

Выйдя из употребления как живой обиходно-бытовой язык, латынь², тем не менее, в целом ряде важных функций продолжала употребляться благодаря тому, что она стала языком христианской римско-католической церкви, а также в связи с этим приобрела функции официального государственного и международного языка целого ряда стран Европы. Это сделало ее также международным европейским языком науки и школы, начальной, средней и высшей. Даже выйдя из употребления, как народно-разговорный и обиходно-бытовой язык, она продолжала еще долго жить во всех вышеуказанных функциях, включая также частично и функцию языка художественной литературы, во всех них активно

¹ Подавляющее большинство из них вымерло не дожив до появления эсперанто, или были вытеснены, или как волапюк, латино сине флексионе, идо, интерлингве (окциденталь), интерлингва – были близки к этому состоянию (Дуличенко А.Д., Международные вспомогательные языки. –Таллинн, 1990, с. 98, 110,154, 169, 219, 285).

² Название «латинский» связывает этот народ с областью первоначального его распространения, носившей название Латиум (или позднее - Лациум), название римский (романский), происходит от названия главного города Латиума, впоследствии столицы Римской империи, носившего название Рим (лат. Roma, - отсюда – romanus – «римский», populus romanus – «римский народ»).

употреблялась.

Как язык нации, латынь приобрела в особенности большую ценность благодаря значительному своему обогащению путем включения в свой состав многих греческих лексических и словообразовательных элементов. Обогащенная подобным образом латынь стала основой для общеевропейской научной терминологии, для возникновения ее специфических европейских интернационализмов. Это в свою очередь, когда латынь все больше и больше вытеснялась из практической жизни, а потребность в подобном международном вспомогательном языке уже не европейского, а международного масштаба сохранялась, дало возможность для осуществления идеи подобного языка, как уже планового, изданного сознательной волей человечества.

Основу осуществления этой идеи заложил инициатор (зачинатель) создания международного языка Л.Л. Заменгоф, по псевдониму которого Esperanto (Эсперанто)¹ – «надеющийся» и сам язык был в последствии назван – Эсперанто. Созданный 113 лет тому назад в 1887-ом году, язык эсперанто с тех пор медленно, но верно развивается и распространяется.

Эсперанто создан не для вытеснения спонтанно возникших национальных языков, а, напротив, для того, чтобы поддержать их, взяв на себя интернациональную роль, которую не способен полностью выполнить ни один живой национальный язык, так называемый «мировой язык», ни нейтральный (постэтнический) мертвый язык типа латыни, наиболее успешно выступающий в подобной роли.

Тем не менее эффективному распространению эсперанто мешают пока как периодически выступающие в роли монополистов национальные языки, так и в наиболее жизненно необходимой роли (в медицине и фармакологии) латынь.

Пока эсперанто приходится соперничать в основном только с одним национальным «мировым языком», в настоящее время английским, его шансы на успех как международного (интернационального) универсального языка невелики. Однако важно уже то, что язык этот не «вымирает», а живет и развивается, доказывая тем самым, что объективная потребность в нем по-прежнему велика, и, возможно, даже увеличивается.

Значительно больше успеха обещает эсперанто будущее, когда, наконец, в связи с развитием человечества появится не один, а несколько примерно в одинаковой степени влиятельных «мировых» национальных языков. Тогда для эсперанто наступит его «звездный час», благодаря которому любой человек в любом уголке земного шара может довольствоваться для поддержания международных связей одним международным языком – эсперанто, как общим для всего человечества «иностранным языком». Тем самым, для каждого будет вполне достаточным знание своего собственного национального и международного языка, чтобы свободно общаться с любым человеком, живущим на земном шаре. Конечно, этим не будет отменена необходимость для тех, кто специально интересуется жизнью того или иного народа земли, изучать его язык. Этим же не отменится возможность общения людей, пользующихся близкородственными языками, или зональными языками. Исчезнут только как неизбежное препятствие – языковые барьеры и многоязычие, как препятствие для международных связей.

Из рассмотрения картины распространения живых языков можно было прийти к выводу, что, во-первых, существует их определенная социолингвистическая градация, во-вторых, что смерть языка может вызываться как уменьшением числа его носителей и постепенным сведением их на нет, так и чрезмерным его распространением среди разных этносов, которым, правда, можно иногда навязать один язык, но сохранить его единство и тем самым существование невозможно, язык вследствие этнической и ментальной специфики и силы этносов распадается неизбежно на разные диалекты, которые в свою очередь становятся разными языками. Третий вывод, вытекающий из того же, заключается в том, что в своем развитии языки нередко вступают в сложные взаимоотношения с другими языками. Иногда конкуренция двух языков вызывает вытеснение одного из языков, иногда, напротив, вытесняемый язык вытесняет своего соперника. Есть, наконец, и случаи, когда вытеснение языков каким-либо одним языком вызывает не только их вытеснение, но и постепенное отмирание языка-ассимилянта, при том, что вытесненные языки, ставшие его разнородными субстратами, как бы «разрывают» вытесняющий язык на несколько языков. Сами же новорожденные языки (например, романские) сосуществуют с вытеснившим их языком (латынью) в виде микроязыков, со временем становятся обычным (макро) языком. Микроязык, таким образом, есть естественное состояние чуть ли не всех языков мира в определенный период их становления. Но иногда, когда микроязыковое состояние становится длительным, приходится говорить уже не о микроязыковой стадии развития языка, а о статусе определенного идиома как микроязыка. Микроязык в наиболее типичном своем состоянии – это язык-спутник какого-либо другого уже макроязыка: кашубский при польском, нижненемецкий (в виде одного из своих диалектов) при верхненемецком, швейцарско-немецкий при литературном (верхне)немецком, каждый из итальянских

¹ Написание языка с большой буквы характерно для эсперантской традиции, в которой есть определенная логика: язык, первоначально называвшийся просто Internacia lingvo («международный язык», назван так по имени (псевдониму) своего зачинателя).

диалектов (венецианский, неаполитанский, сицилийский) при итальянском и т.д. Взаимоотношения между макро- и микроязыками отражают нередко динамику не только развития, а и возникновения (исчезновения) языков.

Другим видом языка-спутника является международный язык типа эсперанто, призванный быть нейтральным вспомогательным языком-посредником между носителями национальных языков. В отличие от микроязыков, отличающихся множественностью и приходящестью, подобный международный язык, обладая способностью развиваться, - о чем свидетельствует, в частности, уже более чем столетняя история эсперанто¹, - является по своей идее и осуществлению языком единственным и единым (чуждым множественности) и языком не сменяемым, потому что нет смысла множить бесконечное число проектов плановых языков (к 1990-ому году их уже насчитывалось 912)², а просто и который уже существует и успешно развивается³.

Так обстоит дело с живыми языками. Как показывает их рассмотрение, они в своем распространении и развитии ограничены нижним и верхним пределом, при переходе любого из которых, они перестают быть живыми, мертвеют. Для языка, исходя из этого, одинаково нежелательно как чрезмерное уменьшение его носителей, так и их чрезмерное увеличение с выходом за национальные и территориальные границы и распространением своего языка среди других народов, причем не только среди их социальных верхушечных слоев, а в их полном составе. Исчезновение таких языков как латинский, германский, славянский, кельтский, индоарийский, иранский и появление вместо них языков романских (неолатинских), германских, славянских, кельтских, индоарийских, иранских многие из которых далеко разошлись друг от друга в своем развитии, неопровержимо об этом свидетельствуют.

Для части из них с помощью наиболее ранних письменных памятников (например, латинского, индоарийского, иранского) еще возможно представить, хоть приблизительно, их особенности. Для тех же языков, памятники которых появились сравнительно поздно или были утрачены (таких, как германские, славянские, кельтские), восстановить их форму, да и то гипотетично, можно только путем реконструкции, опираясь на их языки-потомки в их засвидетельствованных формах.

Установив две основные причины омертвения языков, естественно перейти к характеристике социолингвистического характера мертвых языков. Однако перед тем необходимо выяснить вопрос о том, какие языки следует отнести к мёртвым. Этот вопрос, как это по началу не покажется странным, не является особенно простым.

Уже из того, что омертвение языка может начаться не только с момента полного исчезновения его носителей, а в связи со слишком большим увеличением их числа и их разнородности, можно представить, насколько противоречивыми и непростыми бывают причины перехода в былом живых языков в разряд мертвых. Причины языковой смерти, следовательно, могут быть прямо противоположными: язык может умереть от «голода» (недостатка, а затем и отсутствия говорящих на нем), язык может умереть и от чрезмерного «пресыщения» (непомерного увеличения говорящих на нем, которых не в состоянии «переварить», полностью сблизить с собой лингвистически его коренные носители, вследствие чего он, распавшаяся, на несколько новых языков, сам перестает жить). И вполне естественно, что накопление нового качества «омертвелости» идет постепенно, исподволь, и поэтому временами очень трудно определить точную дату

омертвения языка, особенно в тех случаях, когда, умирая в одном отношении, в одной функции (одних функциях), он продолжает жить (употребляться) в других.

Как можно будет далее увидеть на конкретных примерах, и в степени (силе) омертвения языка, как и в степени (силе) увеличения их жизненности, распространенности, есть своя градация.

По степени своей все убывающей «посмертной» жизненности и все нарастающей омертвелости мертвые языки делятся, прежде всего, на две большие группы:

1. мертвые языки, применяемые в жизненной практике, а поэтому употребляемые частично и как устные (разговорные);

2. мертвые языки, являющиеся в основном объектом теоретического интереса, а потому (по крайней мере до 20-ого века) языками в основном для науки и обучения, которые в свою очередь можно разделить на языки – А) текстовые и Б) бестекстовые.

Что подразумевается под этим делением, как и более узкая градация в пределах указанных основных групп будет уяснено с помощью приводимых далее примеров. Однако, прежде, чем перейти к ним, следует уяснить себе огромное значение для «посмертной» жизни языка его фиксаций (до конца 19-ого века в основном письменных, позднее также записанных в звуковом воплощении). Ведь, кроме двух причин языковой смерти, - уменьшения, а потом исчезновения его носителей и, напротив, слишком

¹ Дановский Н.Ф. Эволюция эсперанто, - Проблемы интерлингвистики. – М., 1976, с. 92-113.

² Дуличенко А.Д. Международные вспомогательные языки. – Таллинн, 1990, 371 с.

³ Токарев Б.Н. Перспективы лингвоконструирования и его значение для языкознания, - Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Круглый стол. – *Interlinguistica Tarbuensis*, Ч, Тарту, 1990, с. 159.

большого их разрастания, - есть еще и третья причина, обычное старение языка, вследствие которого его тексты уже недоступны для позднейших поколений без предварительной, более или менее основательной выучки. Так, например, древневерхненемецкий язык переродился в средневерхненемецкий, а средневерхненемецкий через переходную стадию ранневерхненемецкого стал постепенно нововержненемецким. Все три стадии отражены в письменных текстах, но в то время, как нововержненемецкие тексты отражают живой, существующий до сир пор язык или, если он и несколько архаичен, как, в частности, язык И.Ф. Гете, все же он в основном понятен и для современников. Тексты средневерхненемецкие и древневерхненемецкие уже непонятны без предварительной подготовки, без соответствующих учебников, словарей и грамматик. То же самое относится и к английскому языку: современный англичанин или американец, носитель новоанглийского языка, для того, чтобы читать средне- и древнеанглийский тексты, должен предварительно обучиться этим прошлым стадиям своего языка, которые отмерли и в настоящее время, никем не употребляемые, отражены только в текстах. Тем самым и уже мертвые стадии истории языка продолжают жить своей особой («мертвой») жизнью.

Наибольшую связь с жизнью сохраняют языки, перешедшие в разряд не употребляемых в быту, но сохранившиеся как этнические сакрализованные (священные) языки.

В истории пока известен только один подобный язык, (древне) еврейский, или иврит. Выйдя полностью из употребления в быту, как народно-разговорный или обиходно-бытовой язык, что произошло примерно в период между 2-6 веком нашей эры, иврит был сохранен евреями как священный язык, язык их глубоко национальной религии, сохранившей в своих памятниках не только религиозные догматы, законы еврейского права, этические нормы и установление правил жизни и обычаев (вплоть до предписаний национальной кухни), но и все лучшее из еврейского фольклора и литературы. Иврит и все созданное на нем не только надежно связало евреев нитью традиций с самым отдаленным прошлым, не только показал смысл и цель их существования как особого избранного Богом народа, но и четко с помощью отраженных в его текстах установлений отделил евреев от всех народов мира, в условиях диаспоры дал им возможность сохраниться и осознать свое своеобразие и общность судьбы. Благодаря этому огромному значению в жизни евреев иврит, в сущности, никогда полностью не умирал и, хотя в жизни евреев он присутствовал скорей, как желанный, но праздничный гость, он сопровождал эту жизнь с начала до конца в самых важных ее моментах – рождении, достижении совершеннолетия, свадьбе, праздниках (в том числе – каждую субботу, день отдыха, молитв и национальных раздумий) и похоронах. Он не давал забыть евреям, кто они такие и ежегодными чтениями Торы (Закона), и текстами Талмуда. Он напоминал им каждый год о всех радостных и скорбных страницах их истории – исходе из Египта, освобождении Маккавеями от греческо-сирийских поработителей, уничтожении римлянами Храма, спасении Эсфирью народа от персидского евреененавистника Гамана. Все это дало евреям силы не только пережить (после Египетского и Вавилонского) самый страшный плен, Римский, длившийся около 2000 лет, но и восстановить Еврейское государство (Эрец Израэль, "Израильскую страну" – Израиль), и возродить во всех функциях живого языка после почти 2000-летней его "полужизни" иврит, вечных язык Вечного Народа. Именно этничность иврита, постоянная и неразрывная его связь с жизнью народа, пусть и во временно "свернутом" (лишенном части функций) состоянии, дала возможность ивриту жить и постепенно развиваться, а когда наступил благоприятный момент, зажечь полной жизнью любого живого языка.

Здесь, к сожалению не место подробно коснуться причины подобного языкового чуда, которое бы заслуживало специального рассмотрения, и, кстати, причины которого автор уже сделал попытку осветить ¹. Можно только сказать, что, помимо чисто психо- и социолингвистической мотивации сохранения жизненности иврита, здесь действовали и сугубо материальные ("технические") факторы. Ведь язык, и это самое важное в нем, - это, во-первых, орудие жизненной борьбы и самоутверждения себя как личности и личности этнической, национальной, что делает человека не случайной пылинкой в мировом хаосе, а частью народа, на каждый из которых возложена определенная важная роль в общей жизни человечества. Иврит связывал евреев воедино и давал возможность выживать и жить вечной жизнью, несмотря на все превратности жизни вне утраченной Родины, вечной надеждой, на возврат в которую этот народ жил целые века. Иврит непрерывно повторялся (в молитвах, чтении священных книг, во всех событиях личной жизни и жизни народа). Он же давал возможность общаться евреям различных диаспор – немецкой, испанской, арабской, славянской, где евреи вынуждены были говорить на совершенно разных языках. Но имея один общий традиционный язык, они могли без труда общаться друг с другом. К тому же иврит давал возможность не только понять одному еврею другого, но и отгораживал их от иноверцев, часто враждебных им. Это вызвало и глубоко своеобразное явление еврейской жизни и истории: иврит не только не угасал, но и, не имея возможности повседневно употребляться в быту, связанному с необходимостью непрерывно входить в контакты с неевреями, постепенно влиял на

¹ см.: Ткаченко О.Б. Єврейське мовне відродження унікальне явище чи універсальний досвід? – Єврейська історія та культура в Україні. (Матеріали конференції. Київ, 22 – 23 листопада 1993). К., 1994, с. 156 – 162.

употребляемые евреями нееврейские языки, евреизируя их. Так возник феномен так называемых промежуточных (временных) еврейских языков наряду с вечным ивритом. Сами евреи нередко именовали их жаргонами. Поочерёдно ими были (или и до сих пор являются): еврейско-арамейский (на котором, судя по евангельским текстам, говорил Иисус Христос), сефардский (еврейско-испанский), идиш (еврейско-немецкий, первоначальным полным названием которого было идиш-гайтш, или иври-гайтш). По-видимому, были и другие разновидности подобных языков: еврейско-греческий, частично отраженный в текстах Нового Завета, еврейско-латинский, еврейско-португальский, - но жизнь этих языков (или еврейских вариантов соответствующих языков) оказалась более эфемерной, и поэтому (при отсутствии к тому же относящихся к ним памятников) трудно говорить конкретно, как они выглядели и насколько своеобразно еврейскими они были. Насыщение еврейскими, преимущественно заимствованными из иврита, элементами наблюдается и в тех языках, которые подобной евреизации не подверглись не вытеснив к тому же традиционные еврейские языки в еврейской среде. В частности, в русском языке эти элементы, взятые частично из иврита, частично (в меньшей степени) из идиша, остались принадлежностью разговорного (отчасти полужаргонного) языка, и характерно, что число их по мере приближения к зоне, бывшей некогда территорией так называемой "черты оседлости" с её многочисленным еврейским населением, увеличивается и, напротив, уменьшается по мере удаления от неё. Такие слова, как *хохма*, *блат*, *цимес*, *цорес*, *балагула*, *шмон*, *пуриц*, *балуста* далеко не все и не всюду известны каждому русскому или русскоязычному человеку, особенно в глубине России.

Рассмотрение особенностей употребления мёртвого языка, подобного ивриту, к тому же в настоящее время воскресшего и называемого уже *живой иврит* (*иврит хая*) вызывает невольное сомнение в точности его отнесения к мёртвым языкам, во всяком случае, безусловно и абсолютно мёртвым. Этот язык не был полностью мертвым никогда и к тому же народ, его носитель, никогда не переставал полностью пользоваться им. Кроме того, во все века вынужденного сужения функций иврита, как языка живого, им в совершенстве пользовалась определённая часть евреев с особенно высоким авторитетом среди них (священнослужители, мыслители, писатели). Всё это позволило ивриту, особенно с конца XVIII – начала XIX века, когда особенно усилилось стремление евреев возродить свою собственную государственность, постепенно возродиться ивриту как полноценному и полифункциональному живому языку¹.

Другой тип мертвых языков, утративших связь с этносом вследствие его исчезновения, связанного с распадом на несколько народов, представлен языками, которые с наибольшим основанием можно было бы назвать языками корпоративного характера. Эти языки представлены уже не единичным примером, а целым их рядом. Это в определённый период развития китайской (и китаезычной) культуры, причём не в одном Китае, а также в Корее и Японии, - древнекитайский язык *вэнь-янь*. Это – санскрит, и до сих пор употребляющийся в учёной среде в Индии. Это до сих пор употребляемый в части буддистских кругов стран Юго-Восточной Азии среднеиндуистский язык *пали*. К числу подобных языков следует отнести и латынь, которая к первым векам нашей эры, постепенно мертвея, все более в быту и повседневной жизни уступала своё место неолатинским (романским) и другим национальным языкам Европы, но, став языком могущественной римско-католической церкви, государственной официальной жизни и международным языком европейской нации, как бы, выражаясь языком спорта, получила "второе дыхание" и очень долго, вплоть до XVII века прочно удерживала свои позиции в интеллектуальной жизни целого ряда европейских стран. Именно оттеснение латыни национальными языками, что вызвало (и вызывает) целый ряд неудобств, поставило на повестку дня вопрос о едином международном нейтральном (уже мировом) языке, который наиболее удачно своё воплощение нашёл в языке эсперанто. На основании того, что основой его лексики являются латино-романские элементы, есть все основания назвать его уже "третьим дыханием" латыни².

¹ Симптомы и средства этого процесса возрождения иврита были многочисленны и разнообразны: появления ряда писателей, писавших на иврите (И.Б. Левинсон (1788-1860), А. Мапу (1807-1867), И.Л. Гордон (1830-1892), Т. Смоленский (1840-1885) и крупнейший поэт-классик Х.Н. Бялик (1873-1934));

развитие публицистики (газет и журналов, ещё в XIX веке), "Гамашд" ("Вестник"), "Гамейлиц" ("Защитник"), "Гозмес" ("Правда"), "Гакойль" ("Голос"); возникновение детских садов "Иврит-бе иврит" (иврит на иврите), где детей с помощью разнообразных песен, стихов и игр незаметно "втягивали" во владение ивритом как живым языком; возникновение сельскохозяйственных сообществ, где молодёжь готовили к занятиям сельскохозяйственной работой после переселения в Палестину (позднейший Израиль); сионистская (палестинофильская пропаганда); появление партий, в том числе леворадикального направления (напр. "Поалт-Цион" - "Рабочий слон"), ратовавших за переселение на историческую родину и одновременно (как важный элемент этого) за оживление и развитие иврита.

² Это оправдывается и тем, что Л.Л. Заменгоф, инициатор эсперанто, первоначально думал международным языком сделать латынь и только позднее, поняв, что латынь, ввиду ее античности, нуждалась бы в упрощении, пришел к идее нового планового международного языка, каковым и стало эсперанто.

Отличие корпоративных языков от этнического сакрализованного мёртвого языка заключается в том, что, являясь часто исходно сакральным, этот язык объединяет уже не отдельный народ, а целую группу народов и государств. Как известно, папы римские с помощью своей духовной власти пытались продолжить владычество Рима над бывшими провинциями (теперь государствами) Западной Римской Империи и даже расширить пределы своей уже духовной империи. То же самое пыталась осуществить Восточная Римская Империя (Византия). Папы, являясь как бы наследниками римских императоров так же, как и те распространяли знание латыни. Однако жизнь латыни оказалась более непрочной, чем жизнь иврита, поскольку она уже не была связана с определенным этносом. Не оказалась достаточно устойчивой и ее роль как международного языка. Этому воспрепятствовали две причины, - (1) вытеснение латыни как международного языка национальными языками Европы, (2) то, что латынь ввиду ее сложности и трудностей для усвоения, а также вследствие ее связи с европейской христианской традицией не могла в целом как международный язык выйти за пределы Европы. Тем не менее, в ряде, причем наиболее важных функций, она её границы далеко перешагнула. Так латынь, а, точнее говоря, латынь, обогащенная греческими лексическими элементами, - стала международным языком медицинской (в частности анатомической и фармакологической) терминологии и языком биологической систематики. В связи же с тем, что она же (вместе с включенными в нее греческими элементами) стала вообще неисчерпаемым источником для интернациональной терминологии европейского происхождения, это позволило ей не только стать «матерью» романских (неолатинских) языков, не только в большей или меньшей степени войти в состав всех европейских языков, а и послужить основой для создания наиболее перспективного нейтрального вспомогательного планового языка. Однако сама по себе латынь, как и другие, подобные ей, корпоративные языки, обогатив дальнейшую международную языковую жизнь, клонится к упадку, и поэтому рассчитывать на возврат ее к жизни и в жизнь, как это произошло с ивритом, нет оснований. Для этого у нее нет возможностей ни национальных (латынь утратила свой народ-носитель), ни интернациональных (она могла бы продолжать жить, и распространяться только в усовершенствованной, прежде всего упрощенной, форме, но это была бы уже не латынь, а совершенно другой язык). Ввиду того, что подобный язык (эсперанто) уже создан, окончательный уход латыни из живой международной практики дело только времени. Правда, это время может оказаться очень длительным, так как будет действовать сила традиции, сопротивляющейся самым целесообразным и рациональным нововведениям. Как известно, индийско-арабские по происхождению цифры в своей европеизированной, подобной современной форме распространились в Европе еще в XVI веке. Однако, для того, чтобы они смогли полностью вытеснить менее удобные римские понадобилось 400 лет, и только теперь в начале XXI века, римские цифры окончательно вытесняются индийско-арабскими. То же самое может относиться и к латинскому языку, наиболее живучему из корпоративных языков мира, поскольку он (в отличие от иврита) обслуживал не этнос, а только корпорацию (в данном случае в первую очередь духовенство), воспользовавшуюся этим постэтническим языком.

Рассмотренные в наибольшей степени на примере латыни черты корпоративных языков позволяют считать их по своей связи с жизненной силой более слабыми, чем сакрализованный этнический (омертвивший) язык. Об этом говорит хотя бы уже их этничность и в связи с этим невозможность воскрешения.

Еще ниже по силе своей жизненности стоят мертвые языки, выпавшие полностью из жизненной практики.

Они, как уже отмечалось, делятся на языки текстовые (отраженные в текстах) и бестекстовые.

Мертвые языки, сохраняющиеся в текстах, не утратившие практической значение, то есть не применяемые как, например, латынь или староцерковнославянский язык хотя бы в богослужении, сохраняют главным образом только теоретическую ценность. Она в свою очередь определяется ценностью культуры, представляемой данным языком и, что часто с этим непосредственно связано, объемом сохранившихся текстов, их разнообразием и оригинальностью. С одной стороны, имеются языки, представленные главным образом короткими надписями, в том числе эпитафиями (надгробными надписями). Такими являются памятники целого ряда индоевропейских языков, распространенных в прошлом на Балканах, Аппенинском полуострове и в Малой Азии (дакийский, фракийский, иллирийский, мессанский, фригийский). Есть языки, представленные более обширными текстами, но текстами, как правило, неоригинальными переводными (например, готский и староцерковнославянский, известные главным образом по переводным христианским памятникам, представляющие те или иные библейские тексты). По языкам и первого, и второго типа можно себе представить главным образом только соответствующие языки, в первом случае в чрезвычайно фрагментарном виде (даже в отношении их фонетики и грамматики), во втором в более или менее полном объеме. Однако практически даже в этом случае язык не только лексически, а и грамматически представлен фрагментарно. Канонические церковные тексты не только бедны лексически: в них разве случайно может быть, например, представлена терминология ремесел, слова, касающиеся родственных и общественных отношений, растительного и животного мира, фактически даже грамматика языка отражена только частично: более или менее полна только словоизменительная система языка (флексия), словообразовательная его система имеет большие пробелы. В частности, лексика церковных книг, богатая разными оттенками слов высокого, торжественного стиля, совершенно или почти без исключений не знает слов для выражения любовных

чувств, и поэтому здесь напрасно искать уменьшительно-ласкательных образований, которыми так богаты, в частности, славянские языки.

Есть, однако, мертвые языки, отразившие в прошлом богатые и разносторонне развитые древние культуры: египетскую, шумерскую, аккадскую (ассиро-вавилонскую). Здесь можно встретить разнообразные по содержанию памятники, хотя несовершенная графика, например, отсутствие специальных знаков для гласных (как вообще во многих афразийских (семито-хамитских) языках) временами не дает возможности восстановить точное звучание языка.

Можно было бы вообще считать, что все подобные вышедшие полностью из практического употребления текстовые языки, даже с относительно обширными текстами относятся только к области своеобразной лингвистической археологии или палеонтологии, если бы в последнее время не появились отдельные попытки воскрешения части из них.

При этом, однако, обнаружилась интересная закономерность. Попытки воскрешения языков связаны не столько с обширностью (ограниченностью) оставшихся от них памятников, сколько со связанной с ними этничностью. Так корнский (кельтский) язык, а тем более прусский (балтийский) не принадлежат к числу выше названных языков, первый из которых (корнский) вымер в конце XVIII века ¹, а второй (пруссский) в начале XVIII или даже в конце XVII века ². Этот вопрос требует специального рассмотрения и его следует специально коснуться позже. Здесь же можно только отметить, что указанная закономерность (этничность как основной стимул для жизнеспособности языка) находит свое проявление в том, что жизнь (или даже оживление) языка обеспечивается и стимулируется не столько его богатством и полнотой, сколько жизнеспособностью, волей к жизни стоящего за ним этноса, народа, который даже после вымирания своего языка находит в себе силы вернуть его к жизни.

Еще более низкую ступень в градации мертвых языков занимают языки бестекстные, которые в свою очередь можно подразделить на языки реконструируемые и языки гипотетические.

Реконструируемость языка ставит его на более высокую ступень по отношению к языку только гипотетическому, сведения о котором близки к нулю. Иногда сводятся буквально к крохам из его лексики, иногда же только одно название предполагаемого этноса может указывать на возможность существования отдельного связанного с ним языка.

Среди реконструируемых языков возможны два случая реконструкции: 1) реконструкция так называемого праязыка, языка-предка целой, возникшей из него, языковой группы (семьи); 2) реконструкция субстратного языка в основном из языка преемника, - особенно, если не осталось никаких других его следов, хотя бы в виде записи отдельных слов до его исчезновения. Правда, здесь бывают и смешанные случаи. Так, например, языком-предком современных романских языков считают так

¹ Подробней о новокорнском возрожденческом движении см. в книге: Berresford Ellis T. The Cornish Language and its Literature. – London and Boston, 1974. – 204p. Из этой книги можно узнать о значительных успехах в возрождении корнского языка, заключающихся в появлении целых групп людей в Корнваллии, которые пользуются им устно и в письме, в создании современной художественной литературы и постепенном распространении её среди населения, в периодически проводящихся фестивалях корнской поэзии, музыки и песен; появляются даже первые корнские политические партии, в частности “Tug ha Tavas” («Страна и Язык») и “Mebyon Kernow” («Сыны Корнваллии»). Все это заставляет усомниться в серьезности скептических аргументов по поводу чисто лингвистической «правильности» возрождаемого языка (например, заключающейся якобы в смешении в нем явлений разного периода истории корнского языка, в сомнительности корнской фонетики, базирующейся на местном английском произношении и т.п.) (ср.: Калыгин В.П. Корнский язык, - в кн.: Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. – М., 1989, С. 240-241). Единственным серьезным критерием жизнеспособности того или иного языка является, - в кн.: Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. – М., 1989, С. 240-241). Единственным серьезным критерием жизнеспособности того или иного языка является практика. Если даже «неправильно» восстановленный язык будет нормально жить и развиваться, любые упреки к его «искусственности» и несовместимости включенных в него элементов отпадут сами собой, тем более, что в любом вполне нормально развивающемся языке можно обнаружить и заметные сдвиги в фонетике под влиянием смежных языков;

² Сведения о новопрусском движении, направленном на рекреацию балтийского прусского языка и этноса, почерпнуть из следующих работ: Клоссе М. Прусский язык и его рекреация, - Интерлингвистические аспекты языковых реформ и проблемы лингвоконструирования. (Тезисы докладов 2-ой конференции по интерлингвистике. / (Тарту, 4-6 октября 1990г.). – Тарту, 1990, С.16-17; он же, Новопрусский язык: «Толькелиста» и «Пруса», - Интерлингвистическое конструирование и языковые реформы./ Сборник памяти академика Пауля Аристэ. (Interlinguistica Tartuensis, 7). – Тарту, 1990, С. 72-116. В первой из работ намечены основные этапы рекреации прусского языка и этноса. Во второй подробно освещены результаты работы по рекреации прусского языка, ведущейся в двух центрах (в ФРГ и Литве).

называемую народную (или иначе – вульгарную) латынь. Восстановить ее во всех деталях теперь невозможно. Однако есть классическая латынь с многочисленными памятниками, в какой-то степени непосредственный язык-предок народной латыни до ее распада. Поэтому при реконструкции народной латыни могут помочь не только живые романские языки с их историческими памятниками и диалектами, а и книжная, зафиксированная письменно латынь. Благодаря этому романист и латинист нередко как бы встречаются вместе, идя с двух концов прокладываемого туннеля, один идя от современного романского языкового состояния в глубь веков, другой, наоборот, из глубины веков, от архаической латыни к латыни непосредственно в последние века её жизни перед распадом на отдельные языки.

При реконструкции дакийского, или дако-фракийского языка, реконструируемого из румынского, можно воспользоваться не только субстратными элементами дако-фракийского происхождения, сохранными румынским языком, а и отдельными дако-фракийскими глоссами в латинских и греческих памятниках.

Есть, однако, случаи, когда подобный вспомогательный материал отсутствует и мертвые языки обоих указанных типов восстанавливаются только путем реконструкции.

Таким образом, восстанавливается (пра)славянский язык, памятники которого или его предшествующей, возможной для реконструкции стадии, отсутствуют.

Таким же образом, по крайней мере, пока исключительно из русского реконструируется (разумеется, с привлечением финно-угорских сравнительно-исторических данных) и вымерший (примерно к середине XVIII-ого века) финно-угорский мерянский язык, представлявший собой, по-видимому, отдельную финно-угорскую группу, связующее звено между прибалтийско-финскими и волжско-финскими языками, и поэтому особенно ценный для науки.

Пока трудно с точностью определить, какая из реконструкций наиболее надежна и проста и, следовательно, какой из мертвых языков, возвращаемый хотя бы частично из небытия для науки, сохраняет в себе больше «жизненности», субстратный ли язык, или язык типа праязыка, «родителя» целой группы (семьи) языков, давший им жизнь и после этого (и вследствие этого) сам угасший.

Очевидно, больше всего жизненности (хотя бы в смысле сохранения его слов и форм, пусть уже вышедших из употребления, умерших) сохраняется в том случае, когда праязык (или его непосредственный язык-предок) имел свою письменность, - как, например, народная латынь в виде классической (письменной) латыни. И так как языки, ставшие субстратными и, следовательно, вымершие в результате своего упадка, а не чрезмерного разрастания, фиксируются редко, можно было бы считать, что лучше сохраняются праязыки.

Однако, поскольку распад языков на ряд языков-потомков и, следовательно, превращение их в праязыки, как правило, происходил очень давно, чрезвычайно трудно проследить с точностью все этапы этого процесса и, следовательно, учёный получает сравнительно мало конкретных фактов для воссоздания всех этапов этого процесса.

Что, например, касается воссоздания облика и истории развития (пра)славянского языка до его распада, то здесь относительно много можно сказать о его фонетическом развитии: делаются даже попытки на этом основании говорить о фонетических особенностях /не только позднепраславянского, но даже средне- и раннепраславянского периодов/. Уже значительно меньше можно сказать о развитии лексики. Попытки её воссоздания, осуществляемые одновременно в нескольких славянских странах (России, Польше и Чехии), дают уже большую сумму фактов, касающихся позднепраславянского периода. Однако трудно отсюда еще делать какие-либо серьёзные выводы об эволюции лексической системы в целом и ее хронологической стратификации. Еще менее ясна картина с развитием грамматической (словообразовательной, словоизменительной и синтаксической) системы. Трудность реконструкции усложняется тем, что развитие языковой системы в ее частях идет, как правило, крайне неравномерно.

В некоторых случаях, особенно когда ставший субстратным язык исчез сравнительно недавно, более конкретной в отдельных случаях может оказаться, напротив, реконструкция субстратного языка из его языка-преемника.

В целом же, оценивая оба типа реконструкций, их, очевидно, следует поставить пока на одну ступень, так как более точно их градацию определить невозможно (преимущества одного типа реконструкции в целом ряде случаев перекрываются преимуществами другой). И это тем более справедливо, что тот и другой тип реконструкции в целом ряде случаев взаимодополняют друг друга. Ведь именно разные дославянские субстраты в конечном счёте в наибольшей степени способствовали распаду единого (пра)славянского языка на отдельные славянские языки. И, в свою очередь, именно какой-то доиндоевропейский субстрат способствовал выделению славянского языка из (пра)индоевропейского. Поэтому оба типа реконструкций, сохраняя собственную специфику, не столько исключают, сколько взаимодополняют друг друга. А потому и с этой точки зрения должны рассматриваться на одном уровне, так же, как подвергаемые тому и другому типу реконструкции мертвые реконструируемые языки.

Последнюю (и самую низкую), близкую к абсолютной смерти языка, ступень занимают гипотетически мертвые языки, - языки либо известные буквально по крупицам своей лексики, но

лишенные названия своего этноса – носителя (иногда лишь гипотетически восстанавливаемого), либо, напротив, только предполагаемые на основании этнонима, который мог относиться к исчезнувшему (частично переселившемуся?) народу с каким-то отдельным языком, представления о котором учёные (пока?) не имеют.

Первый случай можно проиллюстрировать словами из какого-то точно неопределённого по своей принадлежности языка, вошедшими в прибалтийско-финские языки в виде субстратных лексических элементов, - например: эст. *higi* «пот», *huul* «губа», *koib* «нога», *kube* «пах», *kuby* «бок», *liha* «мясо», *nina* «нос», *peem* «мыш», *potm* «пустошь», *org* «долина», *sammal* «мох», *saag* «остров». Данный язык, не являвшийся ни финно-угорским, ни индоевропейским, академик Эстонской академии наук профессор Пауль Аристэ, назвал праевропейским, считая его относящимся к особой языковой семье. Субстратные слова, приведённые выше и переданные этим языком прибалтийско-финским языкам, обозначают основные, наиболее важные понятия, которые не заимствуются у автохтонного народа, а, напротив, в процессе его ассимиляции остаются в виде реликтовых включений, которые ассимилируемый народ сохранил от своего языка, переходя на другой (в данном случае финский), и которые потом стали общей принадлежностью потомков как народа ассимилируемого, так и ассимилирующего. Предположительно, как полагает академик П. Аристэ, этот народ мог иметь название *võnd*, как об этом, например, свидетельствует эстонское слово *võnnu võbras* «совершенно чужой», где первый компонент *võnnu* (род. п., ед. ч.) образован от слова *võnd*, а второй *võbras* значит «чужой» (в целом слово можно было бы перевести «чужой, как *võnd*).¹ Следовательно, в данном случае, по-видимому, большой и влиятельный народ растворился в будущих прибалтийских финнах, что произошло после 3-го тысячелетия до нашей эры и оставило следы, кроме эстонского, так же в других прибалтийско-финских языках (финском, карельском, ижорском, вигском, водском, ливском) – в частности, сравни: фин. *hiki* «пот», *heulin* «губа», *koiri* «нога», *kuve* «бок», *kylki* «бок», *liha* «мясо», *pehä* «нос», *piemi* «мыш», *sammal* «мох», *saari* «остров».

Степень гипотетичности (и соответственно омертвелости языка) определяется в данном случае уже тем, что науке до сих пор ничего точно неизвестно ни о его носителе, народе, ни о точной его языковой принадлежности (родственных связях с другими языками), хотя речь, по-видимому, идет о большом народе, раз он смог оставить в языках-преемниках заметные лексические следы (слова, в частности связанные с названиями частей тела и названиями географических объектов, рельефа, а частично и с растительностью).

Наиболее скудные следы, однако, оставили те языки, существование которых можно предполагать только на основании названий этносов, их возможных носителей. Так в ненецком языке существует слово *сихиртя*, имеющее несколько значений: (1) маленькие безобидные существа, живущие под землей и по временам выходящие на поверхность, например, за водой; (2) своеобразные северные гномы; (3) давно умерший или дряхлый старик; (4) общее название финских племен". Судя по этим названиям, *сихиртя* могло быть обозначением какого-то народа, жившего в землянках, который застали ненцы и о котором сохранили воспоминание в своих мифах. В дальнейшем этот народ, видимо, частично вымер, частично растворился в ненцах, и, возможно, в какой-то своей части куда-то переселился. Об особенностях этого народа, в том числе и о его языке, наука имеет пока только самые неопределённые сведения. В сущности, сведение о соответствующем мертвом языке равняется почти абсолютному нулю (и соответственно равны самой низкой социолингвистической оценке, степени в социолингвистической классификации языков).

Ее рассмотрение показало, что языки в своем развитии и существовании ограничены определенными количественными пределами: они не могут обслуживать ни слишком узкое число людей, ни слишком большое и разнородное. Поскольку язык является средством общения, минимальное число людей допустимое для его практического использования не может быть меньшим, чем два человека. Язык, носителем которого является один человек, в сущности, продолжает существовать (большей частью только в памяти этого человека) только по инерции. Общаться со своим окружением такой носитель вынужден, как правило, на другом, более распространенном языке, которым его окружение пользуется, так как в лучшем случае его речь на своем единоличном языке только поймут, отвечать же будут уже не на его собственном языке, а на языке, которым пользуется это уже иноязычное окружение. Следовательно, единоличный язык человека, живущего не в полном одиночестве, а в окружении других людей, не может быть языком полного единоличного распространения. Его распространение даже в человеке, его носителе, будет только частичным. Если данный человек не является воскресителем языка (как Элизер бен Иегуда в отношении иврита, который распространял его повсеместное и универсальное употребление) с концом его жизни кончается полностью и жизнь языка, особенно если данный язык не имел своих письменных памятников.

Другая, противоположная ситуация, но также смертельно опасная для языка, складывается в том случае, когда язык распространяется на несколько этносов (народов) и как в силу существующих в самом распространяемом языке диалектов (или вариантов), так и в виду особенностей предыдущих языков

¹ смотри: Rätsep H. Akademik Paul Ariste. – Tallinn, 1980, lk. 49.

ассимилируемых этносов усваивается каждым из них по своему, со своим особым “акцентом” в широком понимании слова. В результате этого из новых этнических вариантов распространяемого среди разных народов языка формируются постепенно новые (родственные) языки, а сам слишком разросшийся язык в свою очередь мало-помалу вымирает или полностью (как в случае (пра)славянского языка), или же перерождается в мертвый корпоративный язык, вышедший из употребления в быту, но еще употребляемый в ряде других постепенно сужающихся функций (как в случае латыни среди языков Европы или санскрита среди языков Индии).

Все указанное приводит к выводу, что для того, чтобы остаться в разнообразном живом употреблении языки должны сохраняться в качестве языков этнических, не выходя при этом чрезмерно за пределы своего этноса, ибо это может оказаться опасным как для существования самого этноса, так и его языка. В этом случае, если язык распространяется только вместе с географическим распространением его этноса-носителя, и ассимиляции при этом подвергаются только небольшие иноэтнические группы или же данные языки начинают использоваться только в качестве международного зонального средства общения другими народами соответствующей зоны, сохраняющими при этом свои языки, подобное распространение языка не угрожает его существованию. То же самое происходит, если влиятельный в международном общении язык распространяется только среди социальных верхов других народов (сравни длительную роль “салонного языка”, которую играл в высшем свете разных народов Европы французский язык; или подобную же роль английского языка, правда, в более узком кругу великосветских обществ там же). Подобное узко социальное распространение того или иного языка при том, что разных народов в целом оно не касается, так же не вызывает особой угрозы для распространенного таким образом языка. Реальная опасность начинает возникать для языка только тогда, когда данный язык вытесняет полностью языки многочисленных и разных народов (и естественно, не только в их высших социальных слоях, а во всем их объеме). В этом случае при всем стремлении ассимилирующего народа распространить свой язык без всяких изменений в нем, а ассимилируемых народов (особенно в начале ассимиляционного процесса и со стороны высших наиболее престижных слоев ассимилируемых народов) усвоить как можно лучше распространяемый среди него язык, вытесняющий его первый собственный, подобного идеального усвоения второго языка не происходит. Этому препятствует уже сама территориальная и социальная вариативность усваиваемого языка. Его носители в своих разных провинциях и провинциальных центрах говорят на нем по-разному. Различается, как правило, и использование распространяемого языка в разных социальных слоях народа-ассимилянта. С одной стороны, в высших кругах более строго придерживаются традиционных норм (произносительных, грамматических, лексико-фразеологических), с другой стороны, более раскованно пользуются тем же языком его носители из социальных низов, где язык развивается более динамично. Поскольку часто в целом более влиятельным, чем книжная норма, оказывается так называемый просторечный узус, в провинциях переходящих на новый язык получает большее распространение именно этот последний, что начинает отклонять язык, распространяющийся в провинции, от языка метрополии. Различия в вариантах языка, формирующихся на месте вытесняемых местных языков, возникают нередко и в связи с тем, что разные провинции присоединялись к метрополии в разное время, а это вызывает опять таки заметные различия между провинциальными разновидностями нового языка-ассимилянта. В одной провинции он был усвоен на более архаичной стадии развития, в другой на более продвинутой. Так, очевидно, совсем не случайно в испанском и португальском языках в значении «есть (насыщаться)», развившихся из более архаичной, чем в других романских языках, латыни, вошел в употребление глагол *comer* «есть», видимо, связанный с латинским *com-edere* «то же». В других романских языках, развившихся к тому же главным образом не из книжной, а из народной латыни в этом же значении употребляется совсем другой глагол, возникший на основе латинского *manducare* «есть; (первоначально только) жевать», - получивший особую популярность в связи с классическим персонажем римского театра: обжорой *Manducus*/ом «(буквально) жевалой», - сравни: итальянский язык: *Mangiare* «есть», французский язык: *manger*, румынский язык: (,a) *mânca* (тоже “жевать”), *mânca* “кушанье, еда”. На эти уже заметные различия в усваиваемом языке начинают влиять также особенности вытесняемых автохтонных языков (произносительные, грамматико-семантические и фразеолого-семантические, лексические). В результате вместо одного языка возникает несколько (правда, родственных) языков, что можно обнаружить и на примере славянских языков. Так, по всей видимости, совершенно не случайно именно в болгарском языке выступает палеобалканский по происхождению звук, обозначаемый в болгарском языке буквой ъ, в румынском – *î*, в албанском – *ë*. В украинском языке прослеживается особенно большой среди славянских языков переход разных звуков (в первую очередь о, е, ъ) в *i* (русское и), что может быть связано с явлениям умлаута в скифо-сарматских языках.

А в русском, подобно ряду финно-угорских (точнее, финских языков) у родительного падежа, единственного числа, мужского рода, кроме генитивной, отмечается также портативная функция (цена кваса, но бутылка квасу; стоимость сахара, но купить сахару).

Следовательно, языки могут существовать только в определённых количественных и качественных пределах и в определённых этнических границах, где недопустимо ни слишком большое отступление языка под натиском другого языка (других языков), ни слишком большое наступление на другие языки. В

обоих случаях язык может умереть.

В прошлом наблюдалась только смерть языков. Теперь иногда наблюдаются случаи их «воскрешения», наиболее успешно осуществленное в случае иврита, в других случаях не доведённое до конца, но дающее обнадеживающие результаты.

Возникает в связи с этим, естественно, ряд вопросов, наиболее важными из которых являются два:

1. Почему именно в XIX – XX веках впервые появилось это явление?

2. Какие из мёртвых языков имеют наибольшие шансы быть воскрешёнными, а какие нет?

Ответ на первый вопрос заключается, видимо, в том, что так же точно, как в последнее время человек стал больше ценить и беречь природу, так он стал более бережно и чутко относиться к своему культурному наследию, одна из наиболее ценных сторон которого представлена в словесном творчестве и в самом языке как его основе. Если в начале и середине XVIII века, в период Просвещения, - которое в этом смысле было недостаточно просвещённым, - пренебрегали диалектами и малоизвестными («некультурными») языками и народным творчеством, считая, что просвещённому человеку надо ограничиться только знанием обработанных «культурных» литературных языков, а всё остальное (диалекты и «варварские» языки и народное творчество) надо поскорее забыть и выбросить на свалку как остатки дикости, и чем скорей, тем лучше, то уже в период предромантизма и особенно романтизма (в конце XVIII – начале XIX века) возник настоящий культ старины, отражённый в том числе в фольклоре, появился интерес к диалектам и малоизвестным языкам (например, литовскому), где надеялись найти новые неоткрытые сокровища. Это тяготение к своеобразию, самобытности, оригинальности на фоне усиливающегося стандартизации «массовой культуры», распространения средствами массовой информации в основном одного языка, английского, усиливает тягу многих людей, наиболее чутких и вдумчивых, к поиску собственных корней, собственного человеческого и этнического лица. В этих поисках они находят в качестве одного из важных объектов язык своих предков, созданную на нём культуру. Так именно, очевидно, и началось возрождение корнского языка и литературы (на рубеже XIX и XX веков), эта же в основном причина заставила любителей старины в Западной Германии и Литве начать рекреацию прусского языка. При этом если для корнского существовала хотя бы неплохая исходная материально-языковая база (ряд памятников корнского языка, правда, разных периодов), то в отношении прусского языка не было даже и этого. Круг прусских языковых памятников чрезвычайно узок. В основном это или религиозные тексты (переводы с немецкого) или записи прусских слов с немецким переводом, а также один случайно найденный оригинальный памятник, шутивное стихотворение студента Пражского университета, пруса, обращённое, видимо, к земляку, жившему в то время в Праге, возможно, студенту того же университета (стихотворение содержит всего две строки). К этому ограниченному количеству слов (вследствие небольшого количества памятников) можно было добавить только небольшое число лексем прусского происхождения из занимавших прусскую территорию или смежных с ней польских, немецких и западно-литовских говоров. Но даже с этими добавлениями восстановленный прусский язык имеет большие лакуны в своём словаре. Тогда рекреаторы языка стали на путь пополнения прусского словаря путём фонетической и словообразовательной «пруссификации» слов родственных литовского или латышского языков.

Трудно пока судить о перспективах новопрусского движения, участники которого имеют в виду воссоздание прусского этноса и занятия им своей этнической территории, т.е. бывшей Восточной Пруссии, на территории которой сейчас расположены Калининградская область Российской Федерации и Ольштынское воеводство Польши. Важно уже, однако, то, что подобное движение возникло больше, чем через два века после смерти языка и что оно до сих пор развивается. На примерах возрождения мёртвых языков можно прийти к выводу, что главным для возрождения языка является не столько его чисто лингвистическая сохранность (наличие памятников, текстов), сколько этничность людей, потомков его вымерших носителей, очевидно, сводящаяся к тому, что можно назвать национальной ментальностью или его зародышем, ментальностью социально-этнической, чувством принадлежности к определённой территории, рассматриваемой как своя историческая (или своих предков) родина.

Есть несравненно лучше сохранённые языки, например, латинский, но так как этнический носитель в данном случае вымер, распавшись на несколько этносов, предпосылок для воссоздания этого языка как живого этнического не существует. Таким образом, вымирание этноса, сохранившегося до конца как отдельный этнос менее для него опасно, чем вымирание его же, вызванное его распадом на несколько этносов, живущих каждый отдельной этнической жизнью. Прусский язык в принципе восстановить, возможно. Воссоздание славянского этноса со славянским языком полностью исключено.

Подводя общие итоги всему сказанному выше и возвращаясь к сравнению языка с валютой, можно сказать следующее. Если валюта обеспечивается золотым запасом государства, то язык обеспечивается ценностью национальной культуры, которая за ним стоит. Очень часто под культурой понимают исключительно духовную культуру. Здесь же может иметься в виду только культура в самом широком понимании слова. Это и культура ведения сельского хозяйства, и культура предпринимательства, и культура техники, и культура торговли, и культура ведения научных исследований, и культура военного дела и т.д. То есть в этом понимании культура охватывает все области человеческой

деятельности данной нации. И чем выше качество и результативность этой деятельности, т.е. культуры соответствующей нации, тем выше ее авторитет на международной арене и, соответственно, тем выше авторитет ее языка, тем выше он ценится. Выразить богатство культуры того или иного народа в абсолютных числах и затем сопоставив ее с другими культурами найти какие – то конкретные единицы чрезвычайно сложно, но в принципе, возможно. Однако уже даже по той намеченной градации языков, по их распространенности можно косвенно судить о ценности или силе национальной культуры (в указанном широком понимании), и поэтому по крайней мере в пределах наиболее приближенных соотношений типа «меньше – больше» можно было бы расположить язык каждой из выделенных категорий его распространенности (оценки) на той шкале, на которой здесь сделана попытка распределить живые и мертвые языки. Однако было бы недостаточно точно ставить расположение, а тем более передвижение языков по указанной шкале в направлении «вниз» (упадок языка) или «вверх» (его расцвет) в зависимости от одной только культуры. Есть, очевидно, и еще какой – то другой фактор (или группа факторов), который, с одной стороны, может вызвать подъем языка, находившегося в полном упадке (длительной «клинической смерти»), как в случае иврита, а, с другой, вести к гибели языков в результате их, казалось бы, блестящего триумфа (победа латыни над несколькими языками и их вытеснение).

Очевидно, вопрос распада языков нельзя рассматривать только с его трагической стороны. Если это и трагедия, то такого же рода, какую мы видим в жизни вполне благополучных людей, по поводу смерти которых, кстати, в Индии не принято скорбеть. Та же самая латынь или (пра)славянский язык, породив нескольких детей ушли из жизни, как это бывает и с людьми, оставляющими после своей смерти более или менее многочисленное потомство.

Гораздо более интересен случай сохранения или даже воскрешения языков, не оставивших языковых «потомков», но самих способных к долголетию или вечной жизни.

Очевидно, здесь речь идет о том трудноуловимом и еще менее, чем культура, поддающемся учету факторе, который известен под названием национальной ментальности. Национальная ментальность является во многом порождением определенного сочетания занятий народа, т.е. культуры в ее широком понимании. В свою очередь она может найти свое выражение в фиксированных сакральных текстах, позволяющих народу пережить даже многовековое изгнание с (исторической) родины, как произошло в истории еврейского народа.

Кроме того, в целом ряде случаев, очевидно, следует считаться и с тем, что называют человеческим, а точнее национальным фактором, величиной, по-видимому, подчиняющейся, как и все в природе, определенному учету и подсчету, но настолько сложному, что пока он практически недоступен. Так же точно, так как определенное сочетание генов в той или иной человеческой индивидуальности может дать или тип совершенный, или тип деградирующий и требующий усовершенствования в следующих поколениях, так и в жизни наций, видимо, необходимо наиболее оптимально приспособленный к условиям обитания и деятельности на определенной территории сплав разных национальных черт, чтобы выработалась нация, наиболее приспособленная к жизни и деятельности в условиях той или иной страны. О том, что может быть именно так, косвенным образом свидетельствует история некоторых народов. Территорию Франции, например, вероятно первоначально заселял иберский (аквитанский) народ, родственник баскам, народу, связываемому нередко с коренными народами Кавказа (об этом между прочим во французском языке свидетельствуют остатки системы счета не десятками, а двадцатками, - сравним, наприим, фр. quatre – vingt – dix «девяносто», буквально «четыре по двадцать – десять». На смену иберам пришли, в основном их ассимилировавшие, галлы (кельты). Но и этого оказалось недостаточно. Кельты были романизированы римлянами. Определенную роль в формировании французского народа уже как романского и Франции как государства сыграли и германцы – франки, по названию которых названа эта галло – романская страна, ее народ и ее язык (фр.: France, лат.: Francia - «Франкия», страна франков; фр.: Français «француз», la langue française «французский язык»). Вот этот сплав и оказался наиболее прочным.

Итак, формирование и жизнь языков определяются равнодействующей нескольких факторов - культуры, национальной ментальности и, не в последнюю очередь, фактором взаимодействия и сочетания разных влияний, их сочетания, связанного с двумя предыдущими. В целом от них зависит ценность того или иного народа, а вместе с тем и ценность его языка. Однако, поскольку народы живут не в вакууме, а во взаимодействии друг с другом и между ними идет постоянная конкуренция и состязание, в разные исторические моменты в развитии мировой культуры могут первое место занимать разные народы, а тем самым и их языки. Постоянных, вечных чемпионов в этих «олимпийских играх» нет и не может быть. Потому что жизнь - это вечная борьба, в которой возможны и взлеты и падения, и победы и поражения.